

М $\frac{102}{436}$

В. В. Брусянинъ.

**Судьба
первыхъ
депутатовъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, Вас. Остр., 9 лин., д. 18.

1906.

Роспускъ Госуд. Думы и распоряженія о репрессіяхъ.

Не такъ давно въ провинціальной хроникѣ столичной печати было напечатано краткое, но вразумительное сообщеніе: „Въ с. Дьяковѣ, орловской губ., пойманъ психически больной, при которомъ найдена карточка, удостовѣряющая, что это—бывшій членъ государств. думы отъ екатеринославской губ. Лысенко. Больной бѣгалъ съ крикомъ: „Меня преслѣдуютъ вооруженные, спасите!“ Принятый за вора, Лысенко былъ избитъ милиціонерами Мальцевскаго завода“.

Это коротенькое сообщеніе полно трагическаго содержанія. Два-три мѣсяца тому назадъ мы встрѣчали И. И. Лысенко въ кулуарахъ Думы и, судя по его спокойному отношенію къ думской работѣ, трудно было представить депутата бѣгущимъ по улицѣ съ крикомъ: „Меня преслѣдуютъ вооруженные, спасите“.

Вѣроятно, далеку былъ отъ такой мысли и самъ депутатъ, считавшій себя избранникомъ народа и „неприкосновенною личностью“. Участвуя въ мирной „органической“ работѣ, вмѣстѣ съ другими депутатами, народные представители считали себя облеченными полномочіями народа и имъ не легко было представить себя маніаками, бѣгущими по улицамъ съ мольбой о спасеніи. Случай съ избіеніемъ Лысенко, разумѣется, роковая ошибка и, быть можетъ, милиціонеры безъ удара опустили бы руки, если бы узнали, кого они бьютъ. Но нельзя назвать роковой ошибкой по-

семѣстное преслѣдованіе бывшихъ депутатовъ со стороны губернаторовъ, полицейскихъ разныхъ чиновъ и ранговъ, стражниковъ и даже добровольцевъ изъ отрядовъ „черной сотни“. Преслѣдованіе это носить характеръ систематической подготовленной травли людей только за то, что народъ призналъ ихъ своими избранниками и послалъ ихъ добывать землю и волю.

Въ началѣ дѣятельности Думы, когда народные представители поддерживались въ своихъ запросахъ населеніемъ, въ придворныхъ сферахъ и въ средѣ камарильи наблюдалась растерянность. Горемыкинская декларація сыграла роль гильотины, отдѣливши народъ отъ бюрократіи, и въ этотъ моментъ политическаго разъединенія впервые поколебались народныя иллюзіи, окрыленные безсознательнымъ стремленіемъ къ царю.

Припомните слова Ф. И. Родичева, который говорилъ первымъ послѣ „торжественнаго“ обнародованія горемыкинской деклараціи. Онъ сказалъ: „Мы явились сюда въ первый день, выражая готовность вѣрить, выражая готовность работать на обновленіе страны, мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогъ обновленной Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились...“

Депутатъ, окрыленный конституціонными иллюзіями, поспѣшилъ съ прощеніемъ людямъ, „въ рукахъ которыхъ была власть“, и въ ту же минуту признался въ своихъ разрушенныхъ надеждахъ. Вмѣстѣ съ депутатомъ Родичевымъ могли бы признаться въ своихъ разрушенныхъ надеждахъ и тѣ группы населенія, которыя на думской „органической“ работѣ хотѣли обосновать свои конституціонныя иллюзіи.

Большее соотвѣтствіе моменту влито въ заявленіе другого депутата. Представитель минской губ. А. Р. Ледницкій сказалъ: „Безспорно, совершился крупный историческій моментъ: представители двухъ теченій, двухъ міровъ сошлись лицомъ къ лицу, и каждое внесло сюда то, съ чѣмъ сжилось, съ чѣмъ разстаться не можетъ...“

Съ этого момента, собственно, и началась парламентская

борьба народа съ бюрократіей, завершившаяся разгономъ Думы.

Распуская Госуд. Думу, правительство оправдывало свое поведеніе тремя соображеніями: во первыхъ, народные представители будто бы уклонились отъ законодательной работы въ непринадлежащую имъ область, занялись разслѣдованіемъ незаконныхъ дѣйствій мѣстныхъ властей, утруждая постоянно своими запросами министерства и этимъ затягивая разработку намѣченныхъ законопроектовъ; во вторыхъ, народные представители будто бы присвоили права, не принадлежащія имъ по закону и хотѣли измѣнить основные законы, нарушая прерогативы Государя; и въ третьихъ, народные представители подрывали престижъ власти, безъ должнаго почтенія относясь къ высшимъ представителямъ власти и, наконецъ, въ четвертыхъ, народные представители, минуя министровъ, хотѣли сами разрѣшить аграрный вопросъ.

Кромѣ того, о народныхъ представителяхъ говорилось, что они не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія, ввергая страну въ революцію и т. п.

Распуская Госуд. Думу, правительство опасалось народныхъ волненій, за что говоритъ опубликованная „Рус. Вѣд.“ копія съ телеграммы премьеръ-министра П. А. Столыпина на имя губернаторовъ и градоначальниковъ. Телеграмма была разослана 7 іюля, т. е. за день до роспуска Думы, и начинается такими словами:

„Въ виду ожидающагося съ ближайшихъ же дней возникновенія общихъ безпорядковъ, прошу немедленно распорядиться обысками и арестами руководителей революціонныхъ, желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій и агитаторовъ среди войскъ, хранителей оружія и бомбъ съ передачей дѣла формальному дознанію, а если невозможно, то со скорымъ примѣненіемъ административной высылки или представленіемъ о семъ особому совѣщанію...“

Въ виду „крайне революціонной дѣятельности бывшихъ членовъ Государственной Думы, развѣзжающихъ въ настоящее время для агитаціи по селеніямъ“, значилось въ другомъ министерскомъ распоряженіи, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ губернаторамъ и градоначальникамъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ революціонеровъ путемъ ареста ихъ, не смотря на ихъ общественное поло-

женіе. Содержаніе манифеста и смыслъ телеграфическихъ и иныхъ распоряженій г. Столыпина явились для губернаторовъ и градоначальниковъ достаточно ясными директивами, дающими имъ право на расправу съ бывшими народными представителями.

Съ этого момента и началась расправа, и въ этомъ отношеніи бывшая Госуд. Дума сыграла роль провокаціоннаго аппарата, что предсказывали еще въ выборный періодъ нѣкоторыя изъ фракцій крайнихъ лѣвыхъ партій, объявившія бойкотъ Думѣ.

Два года тому назадъ неожиданно народившаяся и потомъ быстро упразднившая себя комиссія Шидловскаго также зазывала въ свои палаты пролетаріатъ, а потомъ превратилась въ камеру полицейской провокаціи и съ позоромъ умерла. Полицейскія и жандармскія власти опытомъ съ комиссіей Шидловскаго воспользовались и для Госуд. Думы, превративъ списокъ членовъ Государственной Думы въ проскрипціонный списокъ.

II.

Встрѣча бывшихъ депутатовъ въ провинціи.

7 іюля депутаты перваго російскаго парламента вышли изъ залъ Таврическаго дворца „неприкосновенными личностями“ въ послѣдній разъ: черезъ двадцать четыре часа слѣпая фортуна сравняла ихъ съ обыкновенными „прикосновенными“ обывателями. Правда, и въ періодъ неприкосновенности депутатъ отъ оренбургской губерніи Т. И. Сѣдельниковъ былъ избитъ на улицѣ городовыми и дворниками, а одинъ изъ генераловъ, посѣтившій Таврическій дворецъ по долгу службы, высказалъ предположеніе, что если бы депутата Аладьина повѣсить на юстрѣ надъ депутатскими скамьями, то „этотъ депутатъ былъ бы прекраснымъ украшеніемъ парламента“,—но на эти факты въ кабинетѣ Горемыкина посмотрѣли, какъ на исключительные случаи, посмѣявшись надъ остротой генерала и пообѣщавъ изслѣдовать случай съ г. Сѣдельниковымъ, а послѣ изслѣдованія и наказать, кого слѣдуетъ.

Послѣ опубликованія манифеста о роспускѣ думы бывшіе депутаты ликвидировать свои дѣла поспѣшили въ Выборгъ, въ сферу недосягаемости.

Я помню томительные ночь и день „выборгскаго бдѣнія“. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами и представителями прессы мы ожидали набѣга карательнаго отряда на гостепріимную финляндскую гостинницу. Слухи о возможномъ набѣгѣ драгунъ или казаковъ циркулировали во всю безсонную ночь среди депутатовъ, вырабатывавшихъ воззваніе и среди журналистовъ, не допущенныхъ въ залъ „таинственнаго историческаго“ засѣданія. Опасенія оказались не основательными, но волненія, сопутствующія имъ, были первымъ камнемъ въ основаніи новыхъ настроеній бывшихъ депутатовъ.

„Бывшіе депутаты! Бывшіе лучшіе люди!“—слышались шутки среди бодрствующихъ депутатовъ, но за этими шутками чувствовалось и трагическое содержаніе: не даромъ нѣкоторые изъ депутатовъ высказывали предположеніе о возможности ареста въ Бѣлоостровѣ, на границѣ Финляндіи и даже на петербургскомъ вокзалѣ финляндской жел. дороги. Нѣкоторые изъ депутатовъ такъ и остались въ предѣлахъ Финляндіи послѣ выборгскаго воззванія, а другіе уѣхали за границу, минуя родину.

Съ роспускомъ думы „органическая“ работа бывшихъ депутатовъ прекратилась, и имъ предстояло возвращеніе на мѣста. Вскорѣ послѣ поѣздки бывшихъ „лучшихъ людей“ въ Выборгъ въ правящихъ сферахъ приступили къ обсужденію „крамольнаго“ поведенія враговъ отечества, лишенныхъ съ роспускомъ думы мирныхъ средствъ обновленія. Рѣшеніе вопроса о преданіи суду авторовъ выборгскаго воззванія затянулось, ибо правительство не знало, какъ поступить: судить ли парламентскихъ крамольниковъ или игнорировать ихъ неконституціонную выходку. Въ то же время, если вѣрить сообщенію „XX Вѣка“, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было еще разъ предложено губернаторамъ—екатеринославскому, пермскому, московскому и намѣстнику Кавказа—особенно „строго слѣдить за членами бывшей Государственной Думы и о всѣхъ противузаконныхъ поступкахъ ихъ доводить немедленно до свѣдѣнія“... Повидимому, это повторное приказаніе министерства ра-

спространилось въ послѣдствіи и на другія губерніи и области, и „слѣженіе“ за бывшими депутатами началось повсемѣстное и выдающееся по своей безцеремонности.— „Это наблюденіе“, говоритъ, одинъ изъ сотрудниковъ Рѣчи „можетъ быть, и не такъ настойчиво, пока депутаты остаются въ столицахъ или, вообще, не въ мѣстѣ своего жительства. Но стоитъ только имъ вернуться на родину, въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ знаютъ и населеніе которыхъ выбирало ихъ своими депутатами, какъ уже, обыкновенно, на станціяхъ ихъ поджидаютъ соглядатаи; затѣмъ дальше бдительный надзоръ за ними не покидаетъ ихъ ни на одну минуту. А при такихъ условіяхъ и до ареста по административному распоряженію очень недалеко. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы не быть арестованнымъ, бывший депутатъ, вернувшись на родину, долженъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, перестать кланяться со своими знакомыми и ужъ во всякомъ случаѣ не отвѣчать ни на какіе вопросы со стороны своихъ бывшихъ избирателей“. *)

Но возможно ли, что бы бывшіе депутаты, возвратившись домой, не имѣли связи съ населеніемъ? Населеніе посылало въ думу своихъ избранниковъ за тѣмъ, чтобы они добыли „землю и волю“ и въ этомъ смыслѣ составлялись и всѣ указы, письма и телеграммы, которыми сносилось населеніе въ продолженіе 72 дней съ своими избранниками. Народные избранники, вернушіеся по домамъ преждевременно, естественно, должны были разсчитывать и на особенную встрѣчу со стороны населенія. Не трудно было предсказать характеръ этой встрѣчи: населеніе обратилось къ своимъ избранникамъ съ требованіемъ отчета въ дѣйствіяхъ, въ силу чего бывшимъ депутатамъ поневолѣ приходилось бесѣдовать съ населеніемъ, и министерское распоряженіе, въ этомъ случаѣ, на первыхъ же порахъ столкнулось съ назрѣвшей потребностью жизни. До какой степени велика потребность населенія знать, что дѣлали депутаты въ думѣ, видно изъ газетныхъ сообщеній. Одна изъ кievскихъ газетъ, на примѣръ, сообщаетъ, что населеніе губерніи не вѣритъ газетамъ и настаиваетъ на томъ, чтобы депутаты сами отдали отчетъ въ своей дѣятельности. Изъ м. Гранова „Кіев. Откл.“ сообщаютъ:

*) „Рѣчь“ 1906 г. № 147.

„Неоднократно мѣстные крестьяне обращались съ вопросами о роспускѣ думы къ бывшему депутату думы кр. Стефанюку; но послѣдній упорно молчалъ, отговариваясь незнаніемъ. Ни угрозы, ни ругательства крестьянъ не помогли. Наконецъ, на-дняхъ, когда толпа крестьянъ настойчиво приступила къ Стефанюку съ распросами о думѣ, а послѣдній отнѣкивался и не хотѣлъ отвѣчать, на него набросился съ бранью отставной фельдфебель и закричалъ: „Что-жъ ты, собачій сынъ, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поѣхалъ, привезъ себѣ оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебѣ отобъемъ бока и покажемъ, какъ отвиливать съ отвѣтами передъ громадой!“.. Съ этими словами онъ бросился на Стефанюка и избилъ его палкой. Сотскіе еле отстояли депутата отъ раздраженной толпы“.

Описанный случай показываетъ, въ какое положеніе попали депутаты, возвратясь къ своимъ избирателямъ. Замалчивать о думской работѣ не приходилось, и слушники рисковали подвергнуться такому же избіенію, что пришлось испытать на своихъ бокахъ Стефанюку.

„Отношеніе крестьянъ къ вернувшимся съ поля брани депутатамъ,—говоритъ газета „Волж. Кур.“,—различное, въ зависимости отъ взглядовъ и дѣйствій самихъ депутатовъ“. При этомъ газета рассказываетъ слѣдующее:

„...къ депутату Лаврентьеву, тетюшскаго уѣзда, народъ „ключемъ течетъ“, какъ говорятъ крестьяне, несмотря на бдительность полиціи, которая положительно по пятамъ преслѣдуетъ Лаврентьева. Бываютъ у Лаврентьева и деревенскіе интеллигенты (учителя, писаря), и, такимъ образомъ, онъ является какъ бы умственнымъ центромъ всей округи. Въ случаѣ покушеній полиціи арестовать Лаврентьева, крестьяне хотятъ за него „постоять“. Но совершенно иное отношеніе крестьянъ къ депутату Лаврскому—недовѣріе и разочарованность въ немъ, какъ крѣпкомъ защитникѣ крестьянства. „Мы къ депутату Лаврскому выборныхъ посылали,—разсказывали мнѣ крестьяне,—чтобы узнать, что намъ теперь дѣлать, онъ все такъ въ нашу пользу говорилъ, только зачѣмъ то хочетъ въ городъ уѣхать; здѣсь, говоритъ, опасно. А мы по-мужицки думаемъ: „волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить“... Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ враждебное отношеніе къ бывшимъ членамъ Думы.

Въ селѣ Борковѣ, ставропольскаго уѣзда, депутатъ Шарковъ принужденъ былъ выѣхать изъ села, и даже домъ Шаркова былъ сожженъ односельчанами. Будучи въ Думѣ, Шарковъ писалъ своимъ выборщикамъ успокоительныя письма о томъ, что Дума всего добьется для крестьянства, устроить жизнь, только пусть не шумятъ крестьяне. Борковцы, между прочимъ, произвели захватъ земли въ 1901 г. у Орлова-Давыдова. Вѣря своему депутату, борковцы все ждали „думскаго исцѣленія“, но съ роспускомъ Гос. Думы, когда разбились всѣ народныя надежды, первая волна негодованія хлестнула деп. Шаркова“.

Судьба депутата Шаркова насъ не удивляетъ: выбирая его въ думу, населеніе, очевидно, плохо знало своего избранника, а, можетъ быть, на его кандидатурѣ были сосредоточены какія нибудь стороннія воздѣйствія. Такое заключеніе, однако, противорѣчитъ дѣйствительности. Въ корреспонденціи точно указывается на роль депутата въ думѣ. Вѣря въ думскую работу, онъ старался внушить такую же вѣру и своимъ избирателямъ и за свое конституціонное легковѣріе, если можно такъ выразиться, наказанъ людьми, нуждающимися въ реальной землѣ и не менѣе реальной волѣ. Но, съ другой стороны, о чемъ же могъ писать Шарковъ на родину, если онъ и самъ вѣрилъ въ положительные результаты мирной думской работы?

Недружелюбно былъ встрѣченъ населеніемъ гжатскаго уѣзда и бывший депутатъ Лебедевъ (к.-д.). По сообщенію телеграфнаго агентства изъ Смоленска отъ 26 августа, по возвращеніи Лебедева въ родныя палестины, крестьяне разгромили принадлежащій депутату фруктовый садъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ болѣе точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ разгрома депутатской усадьбы и о причинахъ расправы съ бывшимъ депутатомъ, въ телеграммѣ высказывается только предположеніе, что разгромъ этотъ совершенъ подъ вліяніемъ черносотенной агитаціи, отношенія же мѣстныхъ крестьянъ къ г. Лебедеву были дружелюбны.

Активное участіе черносотенцевъ въ недоразумѣніяхъ съ бывшими депутатами возможно. Всѣмъ извѣстно, отъ чьей руки палъ покойный М. Я. Герценштейнъ, извѣстны многимъ также и смертныя приговоры, которыми грозятъ черносотенныя организаціи депутатамъ Родичеву, Петрункевичу,

Винаверу, Съдельникову и друг. „Кіев. От. Ж.“ сообщаютъ, что бывшему депутату Шолкъ пришлось выѣхать изъ Умани, изъ опасенія за свою жизнь. Какъ оказывается, имъ была получена карточка съ изображеніемъ черепа. Этой карточкой „союзъ активной борьбы съ революціей“ извѣщалъ бывшаго депутата, что онъ приговоренъ къ смерти.

Черная сотня не оставила въ покоѣ и депутата сычевскаго уѣзда Т. О. Волкова. Изъ Петербурга Волковъ возвратился въ с. Воскресенское больнымъ и остановился у знакомаго діакона.

„Тотчасъ же по прибытіи Волкова въ с. Воскресенское, — читаемъ въ „См. Вѣст“, — не замедлила проявить свою дѣятельность мѣстная черная сотня, которая, несмотря на то, что Волковъ лежалъ въ квартирѣ дьякона больной и никуда не выходилъ изъ дому, начала распускать слухъ, что бывший депутатъ думы ходитъ по сосѣднимъ деревнямъ, устраиваетъ митинги, возбуждаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, призываетъ къ вооруженному возстанію и разбрасываетъ прокламаціи („Выборгское воззваніе“), которыхъ онъ привезъ будто бы изъ Петербурга цѣлыхъ 2 пуда. Волковъ не обращалъ, конечно, никакого вниманія на подобную клевету, да и мѣстная полиція хорошо знаетъ Волкова еще въ бытность его учителемъ въ с. Воскресенскомъ. Тогда „истинно русскіе люди“ взялись за анонимные доносы и письмами и телеграммами въ „губернію“ указывали на „зловредную“ дѣятельность Волкова и на его „преступную пропаганду“.

Но окончательно восторжествовала черная сотня послѣ того, какъ въ ночь на 1 августа на улицахъ с. Воскресенскаго было расклеено неизвѣстно кѣмъ выборгское воззваніе. Черная сотня приписала это дѣяніе Волкову, который, кстати сказать, все время не покидалъ постели, и мѣстная полиція въ ночь на 4 августа произвела обыскъ въ домѣ дьякона, но въ вещахъ депутата ничего недозволеннаго не обнаружила.

Мѣстные черносотенныя организациі съ особеннымъ стараніемъ помогали полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія депутатовъ, но не менѣе интересны и выходки самой полиціи по личному почину.

Узнавъ изъ частной телеграммы о пріѣздѣ въ г. Мал-

мыжъ бывшаго депутата И. Н. Овчинникова, мѣстный исправникъ моментально мобилизовалъ отрядъ воинской силы, состоящій изъ 5 стражниковъ, и во главѣ съ приставомъ двинулъ авангардную колонну къ пристани, а 10 стражникамъ приказано было залечь въ засадѣ, въ лѣсу, по дорогѣ отъ пристани къ городу. Къ сожалѣнію, мѣстная поволжская газета, откуда мы заимствовали это сообщеніе, ничего не говоритъ о самомъ набѣгѣ на безоружнаго врага. Но зато изъ той же газеты мы узнаемъ, что другому бывшему депутату П. А. Садырину, пріѣздъ котораго ожидался въ Слободской, мѣстныя власти готовили такую встрѣчу, слухи о которой заставили доброжелателей г. Садырина посовѣтовать ему совсѣмъ не ѣздить въ Слободской. Подробности пребыванія бывшаго депутата П. А. Садырина на родинѣ рассказываетъ котельничскій корреспондентъ „Вят. Ж.“.

„11-го августа—говорится въ корреспонденціи,—Садыринъ былъ въ Котельничѣ, гдѣ пользовался особо любезнымъ вниманіемъ исправника, не покидавашаго его ни на минуту, а на улицахъ Садырина сопровождали шпіоны. Лучше всего было путешествіе Садырина по уѣзду: его эскортировали 5 конныхъ стражниковъ, становой и урядникъ. Въ с. Юрьевѣ разыгралась траги-комическая сцена. Приставъ, деликатно дѣлая подъ козырекъ, убѣждалъ Садырина уйти изъ толпы крестьянъ; стражники толкали крестьянъ, но останавливались передъ особой депутата: крестьяне вышучивали полицію и не расходились. Сцена длилась часа полтора, пока Садыринъ не уговорилъ толпу разойтись. До границы орловскаго уѣзда за Садыринымъ скакали становой, урядникъ и отрядъ конныхъ стражниковъ“.

Торжественную встрѣчу полиція устроила въ г. Чистопольѣ и бывшему депутату М. И. Герасимову. Ожидавшая его пріѣзда полиція встрѣтила депутата на пристани, произвела тщательную ревизію его имущества и, отобравъ книги, газеты, письма и записную книжку, отпустила М. И. Герасимова съ миромъ. Черезъ нѣсколько дней депутатъ Герасимовъ былъ вызванъ въ полицію снова, и ему была дана точная инструкція, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ. При этомъ представитель власти сказалъ: „а если ты будешь рассказывать обо всемъ крестьянамъ, что тамъ, въ

думѣ, дѣлалось, то тотчасъ будешь посаженъ въ бѣлокаменную“ *).

Вольскій корреспондентъ „Сар. Листка“ рассказываетъ эпизоды изъ кратковременнаго пребыванія въ родномъ городѣ Вольскѣ бывшаго депутата И. В. Жилкина.

„Рано утромъ, никому не давая знать о своемъ приѣздѣ, тихо сошелъ съ парохода И. В. Жилкинъ, лидеръ трудовой группы... Его не встрѣтилъ никто, даже изъ близкихъ родныхъ... Однако, приѣздъ его далеко не остался незамѣченнымъ. Не успѣлъ г. Жилкинъ войти въ свой домъ, поздороваться съ матерью и братомъ, какъ нагрянула полиція и занялась распаковываніемъ еще не разобранныхъ вещей бывшаго депутата. Приставъ переворачивалъ бѣлье И. В., рылся въ газетныхъ вырѣзкахъ, торопливо распечатывалъ и пересматривалъ письма и корреспонденціи“.

А вотъ и подробности пребыванія И. В. Жилкина въ домѣ родителей:

„Выходитъ онъ изъ дому, — на углу уже стоитъ городской. Садится на перевозъ, — „средиземная эскадра“ уже тутъ, подплыла! Сидитъ вечеромъ съ матерью и братомъ, пьеть чай—вдругъ съ большого дерева подъ окномъ кто-то летитъ вверхъ тормашками и, встряхнувшись, поспѣшно удираетъ черезъ заборъ... Одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ И. В. отправился было къ полицмейстеру съ просьбой разрѣшить устроить собраніе, на что былъ полученъ категорическій отказъ. И въ тотъ же день по городу распространились слухи о какой-то шифрованной депешѣ, гдѣ предписывалось будто-бы стрѣлять „въ случаѣ необходимости“, или что-то въ этомъ родѣ... Быть причиной избіенія людей для И. В. было-бы черезъ-чуръ тяжело... Съ другой стороны, вѣчное слѣдованіе по его пятамъ тайной и явной полиціи уже въ концѣ второго дня сдѣлалось для него невыносимымъ. И онъ предпочелъ уѣхать изъ родного города, никому не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ. И почти никто его не провожалъ. Только какая-то дѣвочка-подростокъ принесла ему букетъ изъ бѣлыхъ розъ и ярко-краснаго „львиного зѣва“.

Встрѣча на ст. Инжавиньѣ депутата Окунева, по словамъ „Тамб. Гол.“, сопровождалась такимъ курьезомъ:

*) См. „Волжск. Вѣстн.“.

„Приставъ съ фотографической карточкой въ рукахъ сравниваетъ прибывающихъ пассажировъ съ изображеніемъ „крамольнаго“ депутата, котораго, не смотря на всѣ старанія, до сихъ поръ уловить не удалось“.

Но въ то время, когда полиція „улавливаетъ“ бывшихъ депутатовъ, настроеніе населенія по отношенію полиціи обостряется до вспышекъ гнѣва.

„Всѣ эти полицейскія ухищренія, — читаемъ въ той же газетѣ, — рождаютъ массу слуховъ, благодаря которымъ популярность бывшаго депутата растетъ среди окрестнаго населенія. На родинѣ Окунева, въ селѣ Карай-Салтыково, гдѣ населеніе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его возвращенія, эти слухи породили особое броженіе и возбужденіе среди крестьянъ; ежедневно въ Карай-Салтыково пріѣзжаютъ посланные изъ сосѣднихъ селъ и деревень, чтобы узнать о судьбѣ своего избранника. Крестьяне открыто говорятъ, что никакой полиціи они не позволяютъ арестовать Окунева, если онъ только вернется на родину“.

Особенно опаснымъ „крамольникѣмъ“ полиція считаетъ, повидимому, депутата Аладьина. Сотрудникъ „Гол. Правд.“ рассказываетъ положительно невѣроятныя подробности ожиданія бывшаго депутата въ Симбирской губ.

„На ст. Инза, Моск.-Каз. жел. дор., якобы для охраны имѣнія г. Карпова (въ сс. Троицкомъ и Китовкѣ) прибыла полурота солдатъ 7-го ревельскаго полка, временно квартировавшаго въ гор. Корсунѣ, Симбирской губерніи. Помощникъ исправника пятый день живетъ на станціи, гдѣ высаживаютъ солдатъ для усмиренія будущихъ крестьянскихъ волненій. Крестьяне ведутъ себя мирно, хлѣба не трогаютъ, но послѣ пріѣзда ревельцевъ уже можно слышать отъ нихъ угрозы по адресу г. Карпова. Впрочемъ, повидимому, предполагающіяся волненія у Карпова послужили благовиднымъ предлогомъ для призыва войскъ и полиціи. На самомъ же дѣлѣ ждутъ не крестьянскихъ безпорядковъ, а депутата Аладьина, предстоящее возвращеніе котораго на родину сильно волнуетъ мѣстныхъ администраторовъ. Каждый день къ приходу поѣздовъ вся платформа наполняется чинами. Тутъ и помощникъ исправника, приставъ, и урядникъ... Далѣе жандармы, стражники, казаки. Поѣзда приходятъ и уходятъ, чины мечутся по вакзалу, а Аладьина все нѣтъ. Когда онъ

пріѣдетъ, и пріѣдетъ ли вообще,—конечно, это чинамъ неизвѣстно“.

Не такъ давно одна изъ петербургскихъ газетъ высказала предположеніе, что если администрація будетъ повсемѣстно преслѣдовать бывшихъ депутатовъ, то ко времени выборной кампаніи для второй думы почти всѣ они будутъ лишены возможности на активное участіе въ этой кампаніи. Предположеніе газеты имѣетъ свое основаніе, и читатель въ этомъ также убѣдится, судя по матеріаламъ, сконцентрированнымъ въ нашей брошюрѣ. Вотъ перечень именъ депутатовъ, подвергшихся аресту или обыску:

По сообщенію Петерб. агент., 16 августа арестованъ въ своей деревнѣ Путрышки бывший депутатъ инженеръ Витковский и доставленъ драгунами въ Кальварійскую тюрьму. Изъ телеграммы отъ того же числа, изъ Саратова, узнаемъ объ арестѣ депутата отъ крестьянъ Курской губ. Кутоманова. До ареста Кутомановъ побывалъ въ Курской губерніи, гдѣ на митингахъ разсказалъ своимъ избирателямъ о дѣятельности думы, а въ Саратовъ прибылъ съ цѣлью навѣстить свою семью. Черезъ нѣсколько дней г. Кутоманова хотѣли отправить въ г. Бѣлгородъ по этапу, но послѣ усиленныхъ хлопотъ рѣшили перевести обыкновеннымъ порядкомъ. Въ с. Орловкѣ, бердянскаго уѣзда, арестованъ деп. Притула. Бывшій депутатъ В. И. Ишерскій, по сообщенію „Степ. Пюн.“, арестованъ по пути на родину близъ ст. Петропавловскъ, Сибир. жел. дор. Въ глуховскомъ уѣздѣ, по сообщ. „Придн. Кр.“, полиція гонялась за депут. Тарасенко, но, не найдя депутата, арестовала его родного брата. Чѣмъ объяснить такое усердіе, отгадать, разумѣется, не легко. 12-го августа арестованъ въ Тамбовѣ депутат. Окуневъ, котораго такъ старательно отыскивалъ приставъ, вооруженный фотографіей „крамольнаго“ депутата. По сообщенію „Рус. Сл.“, арестованъ депутатъ отъ Воронежской губ. Торшинъ. Изъ телеграммы Петерб. агент. отъ 25 августа изъ Харькова узнаемъ, что бывший членъ госуд. думы Иваницкій высланъ изъ Харьковской губерніи за агитацію среди крестьянъ. Земскій начальникъ 6-го участка брянскаго уѣзда С. Губонинъ, какъ сообщаютъ „Рус. Вѣд.“, вызвалъ къ себѣ бывш. депутата отъ крестьянъ Бибикова и строго-на-строго наказалъ „прикосновенному“ депутату, чтобы тотъ не устраивалъ ни

какихъ митинговъ. Изъ телеграммы отъ 16 августа, изъ Орла, узнаемъ, что Бибииковъ вмѣстѣ съ студентомъ Котовскимъ и мѣщаниномъ Яковлевымъ арестованъ. Въ Воронежѣ, по сообщенію „Рѣчи“, арестованы бывшіе депутаты отъ рабочихъ Медвѣдевъ и отъ крестьянъ—Осадчій. По сообщенію „Откл. Ж.“, 24 іюля въ с. Турбовкѣ произведенъ обыскъ у бывш. деп. Грабовецкаго. Тщательный обыскъ былъ произведенъ и въ усадьбѣ М. Ковалевскаго. Въ Умани арестованъ бывш. деп. С. Г. Френкель. Вскорѣ послѣ этого г. Френкель заболѣлъ: комиссія врачей установила у заключеннаго обострившійся хроническій плевритъ на туберкулезной почвѣ. По сообщенію изъ Симферополя газ. „Рѣчь“, депутаты С. Крымъ и г. Сипягинъ не рѣшаются вернуться на мѣста, опасаясь воздѣйствія властей. Въ „Гол. Прав.“ читаемъ: „Арестованный и сидящій теперь въ тюрьмѣ бывший депутатъ государственной думы отъ Воронежа Медвѣдевъ попалъ въ бѣду, по увѣренію „Дона“, совсѣмъ неожиданно-негаданно. Въ государственной думѣ онъ по своимъ мнѣніямъ примыкалъ къ правымъ партіямъ, за что получилъ упрекъ изъ Воронежа отъ своихъ избирателей-рабочихъ, съ требованіемъ присоединиться къ трудовой группѣ. Послѣ роспуска Думы онъ былъ въ Выборгѣ, но воззванія не подписалъ и вернулся въ Воронежъ. Здѣсь у него былъ сдѣланъ обыскъ, нашлись воззванія—и его препроводили въ тюрьму за то, чему онъ самъ не сочувствовалъ“.

Изъ этого перечня „случаевъ съ депутатами“ легко судить о ихъ былой неприкосновенности. Недаромъ Т. И. Съдельниковъ, давая объясненіе думѣ по поводу избіенія его петербургской полиціей, просилъ парламентъ позаботиться о неприкосновенности личности вообще и тѣмъ какъ бы предсказывалъ судьбу депутатовъ, когда они станутъ только „бывшими“, а, стало быть, и прикосновенными.

III.

Народъ защищаетъ своихъ избранниковъ.

Въ хроникѣ столичной печати промелькнуло такое сообщеніе:

„На имя Государя Императора и министра-премьера получаютъ многочисленныя постановленія крестьянскихъ сходовъ и резолюціи митинговъ, въ которыхъ крестьяне настаиваютъ на освобожденіи арестованныхъ членовъ Государственной Думы, напоминая, что депутатамъ была обѣщана личная неприкосновенность“.

Въ этомъ краткомъ заявленіи народа съ особенной рельефностью сказалось отношеніе избирателей къ своимъ избранникамъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, избирателю привыкнуть къ мысли о печальной судьбѣ его избранника. Многочисленныя свидѣтельства очевидцевъ, которымъ приходилось наблюдать сцены въ періодъ выборной агитаціи, показываютъ, какъ относился народъ къ самому процессу избранія и къ лицамъ, намѣченнымъ въ кандидаты на званіе члена первого російскаго парламента. Выбирались „лучшіе“ люди, и имъ ввѣрялась судьба народа. Народъ считалъ своихъ избранниковъ неприкосновенными, потому что неприкосновенными онъ считаетъ и свои законныя пожеланія урегулировать и упрочить экономическую и правовую жизнь. Просмотрите безчисленное множество приговоровъ сельскихъ обществъ, резолюцій, установленныхъ на митингахъ избирателей, телеграммъ и писемъ, которыя въ свое время посылались депутатамъ со всѣхъ концовъ Россіи, и вы подмѣтите тоже совсѣмъ особенное отношеніе населенія къ думской работѣ народныхъ представителей. Идея народнаго представительства укрѣпилась въ сознаніи населенія въ періодъ семидесяти-двухдневной работы въ Таврическомъ дворцѣ, и этотъ періодъ можно считать для русскаго населенія первой школой гражданственности. Вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ въ сознаніи населенія гражданственности, крѣпла и идея о неприкосновенности депутатовъ, какъ народныхъ защитниковъ.

Съ другой стороны, недостаточная защита народныхъ

интересовъ въ думѣ со стороны кого либо изъ депутатовъ повергала населеніе въ недоумѣніе и даже гнѣвъ.

Еще до роспуска госуд. думы въ Ежевскъ пріѣхалъ членъ госуд. думы г. Бирюковъ. Слухъ о его появленіи приподнялъ настроеніе мѣстныхъ рабочихъ, которые быстро стали собираться, чтобы услышать докладъ депутата о дѣятельности народныхъ представителей въ думѣ.

На площади появился г. Бирюковъ и началъ держать рѣчь, но съ первыхъ же словъ вселилъ въ слушателей недоумѣніе, закончившееся потомъ явнымъ раздраженіемъ по адресу депутата, не оправдававшего народного довѣрія.

Свою сбивчивую и не отвѣчавшую настроенію собравшихся рѣчь депутатъ закончилъ такими словами:

„Дѣлайте, господа, все мирно, не раздражайте начальство, чтобы все шло тихо и мирно. Мы будемъ теперь вырабатывать законопроектъ: сначала мы выработаемъ и одобримъ,—потомъ законопроектъ перейдетъ въ государственный совѣтъ, который тоже разсмотритъ его и утвердитъ, а затѣмъ законопроектъ перейдетъ на утвержденіе Государя, послѣ чего онъ будетъ уже настоящимъ закономъ“ *).

Но это строго конституціонное обращеніе къ слушателямъ не удовлетворило послѣднихъ, и когда потомъ рабочіе снова пожелали побесѣдовать съ народнымъ избранникомъ, г. Бирюкову пришлось услышать много непріятнаго. Рабочіе открыто задавали депутату вопросы: почему его рѣчь къ нимъ отзываетъ „правопорядчествомъ“ и не похожа на рѣчь „трудолика?“ Почему г. Бирюковъ забылъ народные интересы и говоритъ съ своими избранниками тономъ, нисколько не отличающимся отъ того тона, съ какимъ бесѣдуютъ съ населеніемъ исправники, земскіе начальники и друг. представители власти?

Любопытенъ также и тотъ фактъ, что явные „правопорядчики“ изъ правыхъ думскихъ партій совсѣмъ не рѣшались бесѣдовать съ населеніемъ, чувствуя, очевидно, рознь между собственнымъ настроеніемъ и настроеніемъ остального населенія.

Совсѣмъ иное отношеніе населенія къ депутатамъ, оправдавшимъ довѣріе избирателей. Пріѣзда такихъ депутатовъ,

*) Приводимъ отрывки рѣчи г. Бирюкова изъ сообщенія газ. „Вятск. Жизнь“.

послѣ разгрома думы, населеніе ждало съ нетерпѣніемъ и, въ случаяхъ гоненія на нихъ со стороны администраціи, выступало на защиту своихъ избранниковъ часто даже съ рискомъ за жизнь и за цѣлость имущества.

Исторія пребыванія бывшихъ депутатовъ въ родныхъ краяхъ богата примѣрами этого рода.

Возвратившемуся въ августъ мѣс. въ гор. Корсунъ бывшему депутату Матвѣеву прокуроръ корсунскаго окружного суда объявилъ, что онъ „закономъ за подписаніе выборгскаго воззванія къ народу арестовывается“ **).

Не успѣвшего опомниться народнаго избранника потащили въ кутузку, но тутъ народъ самъ поднялся въ его защиту. Узнавъ объ арестѣ Матвѣева, рабочіе фабрики Бѣлоусова, отъ которыхъ былъ избранъ арестованный, собрались толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ и насильно вырвали изъ рукъ полиціи своего избранника. Выступая противъ насилія, прокуроръ и земскій начальникъ г. Бургскій стали было грозить рабочимъ вызовомъ войскъ, что бы разстрѣлять бунтовщиковъ, но толпа на эти угрозы отвѣчала спокойнымъ замѣчаніемъ:

— Посмотримъ, кто кого!..

И Матвѣевъ нѣсколько дней находился на фабрикѣ подъ охраною рабочихъ.

„Будемъ стеречь своего избранника днемъ и ночью. Не дадимъ полицейскимъ коснуться нашего депутата“, заявили и обыватели г. Камышина, когда полиція намѣревалась арестовать бывшаго депутата Я. Е. Дитца.

Камышинскій корреспондентъ газ. „Товар.“ рассказываетъ исторію съ арестомъ Я. Е. Дитца такъ: „15 августа мѣстная полиція хотѣла арестовать бывшаго члена государственной думы Я. Е. Дитца, но это ей не удалось сдѣлать, такъ какъ на защиту бывшаго депутата стали горожане. Утромъ, часовъ въ 6, къ Дитцу явились приставъ и судебный слѣдователь, съ шестью полицейскими, и предъявили предписаніе прокурора окружного суда области Войска Донскаго—объ арестѣ Дитца, а также постановленіе судебного слѣдователя 4 участка второго Донскаго округа о необходимости допроса „поселянина

**) „Товар.“ 1906 г.

Якова Егорова Дитцъ, въ качествѣ обвиняемаго“. Его обвиняютъ въ томъ, что въ іюлѣ сего года, онъ въ своемъ имѣніи, въ 27 отдѣлѣ земель области Войска Донского, „распространялъ преступнаго содержанія изданія, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя“.

Когда власти вошли въ домъ депутата, то немедленно принялись за „исполненіе своихъ обязанностей“: депутатъ былъ допрошенъ и обысканъ, власти пересмотрѣли все въ комнатахъ, но преступнаго ничего не нашли. Послѣ обыска намѣревались арестовать депутата, но послѣдній заявилъ, что это имъ не легко будетъ сдѣлать. Дѣйствительно, горожане, узнавши о визитѣ полиціи къ Дитцу, быстро стали собираться къ дому депутата. Ударили въ набатъ, и въ короткое время около дома депутата собралось не менѣе 2—3 тысячъ человѣкъ. Толпа увеличивалась и, узнавши о цѣли прихода полиціи, сильно возмутилась. По адресу блюстителей порядка посыпались неслестные эпитеты и угрозы. Въ особенности возмущались нѣмцы, которыхъ въ городѣ очень много,—они считали Дитца ихъ представителемъ. Простоявъ около дома часа два, горожане рѣшили открыть митингъ. Крыльцо дома превратилось въ трибуну. Начались рѣчи на современныя политическія темы. Говорили о разгонѣ думы, о необходимости поддержать своего избранника и не дать его въ руки полиціи.“

Послѣ такого выступленія въ защиту неприкосновенности народнаго избранника мѣстный приставъ не рѣшился привести въ исполненіе предписанія прокурора и сообщилъ кому слѣдуетъ о случившемся. Нежелая осложненій, высшее начальство, повидимому, рѣшило оставить бывшаго депутата въ покоѣ и полиція ограничилась только тѣмъ, что взяла съ Я. Е. Дитца подписку о невыѣздѣ.

На состоявшемся послѣ этого митингѣ Я. Е. Дитцъ, между прочимъ, сказалъ: „Вы, граждане, защищаете не меня лично, а защищаете свою идею народнаго представительства, идею, которую безотвѣтственное правительство старается разбить и уничтожить. Я вижу, что два мѣсяца занятій думы не прошли безслѣдно: народъ увидѣлъ всѣ язвы стараго строя и теперь уже не вѣритъ правительству, которому дума предъ лицомъ всей страны выразила недовѣріе. Прошу васъ, успокойтесь, полиція пока боится взять меня“.

Эти слова бывшего депутата можно бы было поставить эпиграфомъ къ нашей работѣ, имѣющей цѣлью сводку гоненій бывшихъ депутатовъ и сильное отѣненіе новыхъ настроеній народныхъ массъ послѣ роспуска думы.

Печальнѣе для полиціи и населенія кончилась исторія съ попыткой арестовать депутата отъ Пензенской губ. Ф. Врагова. Заимствуемъ изъ „Нар. Газ.“ сообщеніе объ этомъ случаѣ.

„30 іюля въ с. Каменкѣ, Нижнеломовскаго уѣзда, послѣ богослуженія въ мѣстной церкви крестьяне во главѣ съ бывшимъ депутатомъ Враговымъ обратились къ священнику съ просьбой отслужить для нихъ панихиду по павшемъ отъ руки убійцы бывшемъ членѣ Государственной Думы М. Я. Герценштейнѣ. Священникъ исполнилъ эту просьбу, но затѣмъ вспомнилъ, что въ этотъ день празднуется рожденіе Наслѣдника, почему онъ вслѣдъ за панихидой отслужилъ царскій молебенъ. Это дошло до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, и въ Каменку явились исправникъ и становой въ сопровожденіи стражниковъ и солдатъ. Враговъ былъ арестованъ и отправленъ въ имѣніе Воейковой, гдѣ и помѣщенъ былъ въ конторѣ подъ карауломъ; въ квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ.

„Узнавъ объ арестѣ своего представителя, каменцы заволновались: моментально собралась огромная толпа, во всѣхъ сосѣднія деревни полетѣли гонцы; ударили въ набатъ, который гудѣлъ все время, не переставая. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ, и вскорѣ толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ направилась къ имѣнію Воейковой и освободила Врагова, котораго торжественно понесла на рукахъ съ красными флагами и пѣніемъ марсельезы. Набатъ же продолжалъ сзывать народъ, который и стекался со всѣхъ ближайшихъ деревень. На площади образовался огромный митингъ, принявшій рѣшеніе освободить политическихъ арестованныхъ, которые должны были провозиться въ поѣздѣ желѣзной дороги. Толпа направилась къ станціи; но оказалось, что поѣздъ уже прошелъ. Тогда толпа оборвала всѣ флаги, которыми по случаю торжественнаго дня была украшена станція, сорвала съ нихъ бѣлыя и синія полосы и съ одной красной направилась обратно въ Каменку, къ имѣнію Воейковой, гдѣ скрылись исправникъ и другіе полицейскіе чины. Исправникъ былъ вызванъ, и ему предложили вопросъ, на

какомъ основаніи онъ арестовалъ народнаго представителя? Трепетавшій исправникъ отвѣчалъ, что онъ и не думалъ арестовывать народнаго представителя, а просто хотѣлъ поговорить съ Враговымъ. Импровизированный митингъ постановилъ резолюцію, которой предупреждались власти, что народъ не отвѣчаетъ за послѣдствія, если что-либо повторится“.

Финалъ событія въ Каменкѣ таковъ. 1 августа въ село пріѣхалъ пензенскій вице-губернаторъ Лопатинъ въ сопровожденіи жандармскаго офицера и многочисленной стражи. Послѣдовалъ новый приказъ объ арестѣ Врагова, но въ отвѣтъ на это на селѣ загудѣлъ набатъ и крестьяне снова собрались къ дому Врагова толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Вице-губернаторъ попытался было уговорить собравшихся, грозя наказаніемъ за вмѣшательство въ распоряженіе начальства, но въ отвѣтъ на это градъ камней посыпался въ сторону полиціи и стражниковъ. На слѣдующій день въ Каменку прибылъ карательный поѣздъ въ составѣ 24 вагоновъ. Командованіе надъ поѣздомъ принялъ на себя пензенскій губернаторъ камергеръ Александровскій. Послѣ этого началось усмиреніе „ослушниковъ“ при содѣйствіи казаковъ и при помощи уже не разъ испытанныхъ средствъ. Въ селѣ Каменкѣ произведено было много арестовъ.

IV.

Судьба **Θ. М. Оникко** и **М. Я. Герценштейна**.

Особенно же сильно разразилось народное негодованіе въ связи съ арестомъ бывшаго депутата отъ Екатеринославской губерніи **Θ. М. Оникко** и послѣ того, какъ стало извѣстно, что представитель Екатеринославской губерніи предается военно-окружному суду. Все это дѣло особенно сильное впечатлѣніе произвело на крестьянскія массы той губерніи, отъ которой **Θ. М. Оникко** былъ посланъ въ государственную думу. Послѣ слуха* о судѣ надъ злосчастнымъ депутатомъ одна изъ южныхъ газетъ характеризуетъ **Θ. М.** такъ:

„Своему бывшему депутату **Оникко** всѣ крестьяне очень вѣрятъ и страшно его любятъ. На всѣхъ сходахъ говорятъ о немъ и дѣлаютъ постановленія съ требованіемъ объ его освобожденіи и прощеніи“.

Въ той же газетѣ имѣется сообщеніе изъ с. Петровскаго, жители котораго на сходѣ обсуждали арестъ своего депутата и постановили потребовать отъ священника отслужить молебенъ о спасеніи депутата.

Постановленіе это весьма характерно и говоритъ о томъ, какъ относятся крестьяне къ своему избраннику. На другой день, какъ сообщается въ газетѣ, громадная толпа поселянъ привела въ исполненіе свое постановленіе и подъ угрозой заставила священника отслужить молебенъ. То же самое наблюдалось и въ другихъ селахъ Ставропольской губерніи. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ священники, боясь нагоняя отъ своего начальства, отказывались исполнить постановленіе сходовъ, за что, въ свою очередь, подверглись преслѣдованію со стороны крестьянъ. Защитники депутата вывозили изъ селъ священниковъ-ослушниковъ, и тѣ вынуждены были выѣхать въ города со своими семействами и пожитками.

Грандіозный митингъ въ связи съ дѣломъ о преданіи суду Ѳ. М. Оникко состоялся въ Ставрополѣ-губернскомъ. Приводимъ подробное описаніе этого митинга изъ газ. „Роб“:

„Къ 10-ти часамъ на Софійскую площадь стали собираться со всѣхъ сторонъ рабочіе, ремесленники, городскіе обыватели. Было не мало и интеллигенціи. Скоро образовалась толпа народа тысячъ въ 10. Выступили ораторы и митингъ открылся. Они говорили о царившемъ въ странѣ насиліи и произволѣ правительства, который не останавливается даже передъ народными представителями, арестовывая и предавая ихъ суду. Они говорили о Ѳ. М. Оникко, который, отъѣзжая въ Петербургъ, заявилъ, что онъ, не жаль своей головы, будетъ тамъ защищать интересы народа и будетъ всѣми силами добиваться отъ правительства земли и воли. Но вотъ на возвышеніе взошла жена Ѳ. М. Глаза всѣхъ обратились на нее. Она сказала приблизительно слѣдующее: „Господа, вы избрали его представителемъ отъ губерніи, вы послали его въ Петербургъ, это—вашъ депутатъ. Теперь онъ подъ судомъ, и ему грозитъ смертная казнь... Долгъ cadaго избирателя—поднять свой голосъ въ защиту своего депутата и вырвать его изъ рукъ правительства. У меня на рукахъ осталась семья. Положеніе мое безвыходное... Горю моему нѣтъ предѣловъ“... Хлынувшія ручьемъ слезы не дали ей говорить. Народъ находился подъ тяже-

лымъ впечатлѣніемъ. У всѣхъ на глазахъ были слезы. Многіе плакали. Послѣ этого было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и предложено немедленно послать въ Петербургъ телеграмму. Предложеніе было принято, и тотчасъ была послана телеграмма на имя Столыпина слѣдующаго содержанія: „Собравшись на митингъ, 10,000 ставропольскихъ гражданъ требуютъ немедленнаго освобожденія депутата Ѳедота Михайловича Онипко. Правительство не имѣетъ права судить того, кто посланъ народомъ и кто является истиннымъ выразителемъ народной воли“. Тутъ возникло опасеніе, что телеграмма не будетъ пропущена полиціей. Тогда предложено было вечеромъ снова собраться на митингъ, гдѣ и будетъ сообщено, задержана ли телеграмма, или отправлена по назначенію. Во все время продолженія митинга въ нѣсколькихъ саженьяхъ въ боевой готовности съ винтовками стояли конные стражники, а въ небольшомъ разстояніи отъ послѣднихъ стояли вооруженные казаки-осетины. Митингъ кончился безъ столкновенія съ полиціей, и толпа мирно разошлась по домамъ. Назначенный на вечеръ митингъ не состоялся: съ 4 хъ часовъ пошелъ дождь. Несмотря на это, народа собралось очень много. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта изъ Петербурга отъ министра Столыпина объ участи Ѳ. М. Онипко. По базарной площади отъ времени до времени проѣзжали вооруженные стражники и казаки. Толпѣ, находившейся у гимназіи, не удалось устроить митингъ въ самомъ зданіи, и она направилась въ гостинницу „Европа“. Сюда же стали подходить и остальные. До 6^{1/2} ч. вечера ожидали отвѣтную телеграмму. Порядокъ поддерживался самими участниками. Здѣсь было не мало стариковъ и пожилыхъ людей, явившихся съ окраинъ Ставрополя. Проѣзжали мимо стоявшихъ казаки. Толпившіеся привѣтствовали казаковъ, обнаживъ головы, несмолкаемымъ громкимъ „ура“. Неизвѣстно, не понравилось-ли казакамъ такое привѣтствіе, или просто заиграла здѣсь удалъ казацкая, но только они съ обнаженными шашками врѣзались въ толпу, и началось избіеніе. Произошла страшная паника. Всѣ бросились бѣжать, давя другъ-друга, а казаки усердствовали. Пощады не было никому: ни старому, ни малому, ни мужчинѣ, ни женщинѣ. Казаки неистовствовали, такъ что даже полицеймейстеръ возмутился и закричалъ: „Осетины, оста-

новитесь. Довольно-же вамъ! "... Но казаки не унимались. Они носились по улицѣ, избивая всѣхъ попадавшихся на глаза. Своихъ беззащитныхъ жертвъ они преслѣдовали отъ гост. „Европа„ до театра."

Несмотря на такую дикую расправу съ населеніемъ, послѣднее стойко поддерживало разъ сформулированное требованіе, заботясь только объ одномъ, о судьбѣ своего избранника.

Не такъ давно въ газетахъ промелькнуло сообщеніе, что въ Екатеринославскую губернію послано нѣсколько карательныхъ отрядовъ для усмиренія населенія. Мѣстные газеты констатируютъ несомнѣнный фактъ, что наблюдавшіеся за послѣднее время вспышки народныхъ волненій въ ~~Екатеринославской~~ губерніи явились результатомъ того же стремленія населенія во что бы то ни стало освободить ~~Θ. М. О~~нипко. Въ телеграммѣ на имя премьеръ-министра Столыпина отъ крестьянъ с. Яшалты говорится:

„Насиліе надъ личностью нашего народнаго избранника противно христіанскимъ законамъ и терпимо нами быть не можетъ; а если кому нужна его кровь, то пусть проливаютъ и нашу съ нимъ“.

Помимо безчисленныхъ телеграммъ и на имя П. А. Столыпина и на имя предсѣдателя военнаго суда въ Кронштадтѣ, населеніе охвачено заботой и о судьбѣ семьи ~~Θ. М. О~~нипко: во многихъ селеніяхъ сходы постановили ассигновать въ пособіе супругѣ Онипко деньги въ размѣрѣ 50—100 руб.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь полный текстъ приговора крестьянъ с. Ладонская-Балка въ числѣ 1650 душъ. Въ приговорѣ этомъ говорится:

„1906 г. іюля 28 дня, мы, нижеподписавшіеся граждане коренного и иногородняго сословія с. Ладовско-Балковского, медвѣженскаго уѣзда, ставропольской губерніи, узнавъ изъ донесшихся до насъ сообщеній объ арестѣ въ Кронштадтѣ бывшаго члена нашего въ государственной думѣ ~~Θ~~едота Михайловича Онипко и имѣя въ виду, что мы, поголовно, провожая въ Петербургъ добраго борца Онипко, приказали ему добиться для насъ земли и воли, безъ которой народъ уже неисчислимые десятки лѣтъ страдаетъ въ изнеможеніи и пролиты цѣлыя рѣки неповинной крови, почему, находя его самоотверженный долгъ въ дѣлѣ для народа полезнымъ и скорбя о постигшей его судьбѣ, мы, всѣ, пришли къ одному знаме-

нателью, — посмотрѣть такого храбраго борца еще разъ въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, почему единогласно постановили; просить его превосходительство, г. ставропольскаго губернатора, о немедленномъ сношеніи по телеграфу съ подлежащими учрежденіями и должностными лицами и узнать; 1) о судьбѣ, въ которой нынѣ находится Ѳ. М. Онипко; 2) о степени его преступленія, повлекшаго его арестъ; 3) также одновременно войти съ ходатайствомъ къ Е. И. В. Государю Императору Всероссійскому о немедленномъ освобожденіи Онипко изъ-подъ ареста и водворенія на жительство въ предѣлы Ставропольской губ. впредь до выясненія его вины; 4) разрѣшить всѣмъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ Ставропольской губерніи производить сборъ пожертвованій въ пользу оставшейся безъ средствъ семьи Онипко; 5) удостовѣрившись о всемъ нами просимомъ, поставить насъ въ извѣстность, и 6) уполномочить нашихъ сельчанъ Прокофія Емельянова, Прокофія Стародубцева и Артемія Быкова подать настоящій приговоръ его превосходительству г. ставропольскому губернатору, и лично просить о всемъ, нами въ семъ написанномъ. Къ сему подписуемся. Слѣдуетъ 1,650 подписей“.

Уполномоченные отъ крестьянъ представили вышеприведенный приговоръ 30 іюля мѣстному губернатору, который и положилъ такую резолюцію:

„Я, и. д. ставропольскаго губернатора, не призналъ возможнымъ выполнить ходатайство подписавшихъ это прошеніе, такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Ѳ. М. Онипко арестованъ въ Кронштадтѣ по обвиненію въ высшемъ государственномъ преступленіи, и рѣшеніе его участи будетъ зависѣть отъ суда, который и разрѣшитъ, правъ ли онъ или виноватъ. И. д. губернатора Эльсперъ. 30 іюля 1906 г.“.

Не довольствуясь такимъ исходомъ дѣла, уполномоченные отъ крестьянъ с. Ладовской-Балки послали П. А. Столыпину телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Петербургъ. Предсѣдателю совѣта министровъ. Согласно приговору отъ 28 іюля по порученію 1650 жителей сел. Ладовско-балковскаго, встревоженныхъ извѣстіемъ объ арестѣ нашего избранника Ѳедота Михайловича Онипко, посланнаго крестьянами въ думу добыть землю и волю, просимъ ходатайствовать предъ Государемъ объ освобожденіи нашего

избранника Онипко и о водвореніи его на жительство въ Ставропольской губерніи среди населенія, облекшаго своимъ довѣріемъ Онипко. Ожидаемъ немедленнаго отвѣта. Уполномоченные Артемъ Быковъ, Прокофій Емельяновъ, Прокофій Стародубцевъ“.

На эту телеграмму, разумѣется, не послѣдовало никакого сообщенія: съ народнымъ желаніемъ въ такихъ случаяхъ не церемонятся.

Дѣло, по которому Ѳ. М. Онипко привлекался къ суду, совмѣстно съ 107 нижними чинами и крестьянами Дряничевымъ, Рыбаковымъ и Ѳедоровымъ и обвинялся по 100 ст. угол. ул., окончилось 17 сентября: Ѳ. М. Онипко приговоренъ временнымъ военно-окружнымъ судомъ въ Кронштадтѣ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Изъ семьи членовъ перваго россійскаго парламента Ѳ. М. Онипко — первая жертва исключительнаго правосудія, основаннаго на исключительномъ законѣ. Но еще такъ недавно тотъ же самый Онипко, будучи „неприкосновеннымъ“ и сидя за депутатскимъ пюпитромъ, осуждалъ исключительные законы и смертную казнь. Вѣроятно, онъ даже и голосовалъ за изгнаніе изъ россійскаго суда пережитковъ варварства, но судьба зло насмѣялась надъ парламентскими иллюзіями депутата перваго россійскаго парламента, какъ она насмѣялась и надъ самымъ парламентомъ.

Съ вѣрой въ возможность исполненія завѣтныхъ желаній народъ посылалъ своихъ избранниковъ въ Думу и только теперь, послѣ „предметнаго“ урока 8 іюля, конституціонныя иллюзіи, ослѣплявшія народныя массы, развѣялись, чтобы уступить мѣсто новымъ исканіямъ на пути завоеванія земли, воли и всѣхъ свободъ.

Томясь въ тюрьмѣ, Ѳ. М. Онипко дождался рѣшенія своей участи; другіе его сотоварищи по парламентской работѣ еще во власти исключительныхъ законовъ, во власти охранителей отжившаго строя и ихъ помощниковъ, наемныхъ убійцъ всѣхъ степеней и ранговъ.

Первымъ палъ отъ руки такого наемнаго убійцы М. Я. Герценштейнъ. Въ свое время событіе это было предметомъ всесторонняго обсужденія. Убійцы и вдохновители послѣднихъ еще не найдены, но общество на другой же день катастрофы догадалось, кому необходима была смерть пред-

ставителя г. Москвы, принимавшаго большое участіе при обсужденіи аграрнаго вопроса въ Госуд. Думѣ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ „Россія и революція“ Парвусъ по поводу смерти М. Я. Герценштейна говоритъ:

„Въ тотъ моментъ, когда Госуд. Дума разберетъ публично государственный бюджетъ страны, финансовое банкротство государства станетъ явнымъ. Не потому ли медлили ея созывомъ, пока былъ укрытъ отъ нея бюджетъ на 1906 годъ, распустили ее, когда предстояло внести на ея разсмотрѣніе бюджетъ на 1907 г. и созываютъ снова только въ февралѣ, т. е. къ тому времени, когда и бюджетъ на 1907 г. уже будетъ утвержденъ безъ нея. Не кстати ли также, съ этой точки зрѣнія, для заинтересованныхъ лицъ убить проф. М. Я. Герценштейна, въ которомъ видѣли главнаго знатока финансовъ, выставленнаго Госуд. Думой“.

Таковыми же знатоками жизни и народныхъ нуждъ могутъ быть названы и большинство „лучшихъ людей“, которые прожили конституціонными иллюзіями только 72 дня. Но за эти дни парламентской работы „заинтересованныя лица“, убѣдились, что парламентская критика не упрачиваетъ ихъ устои, скованные ржавыми обручами насилій, произвола и убійствъ.

„Заинтересованнымъ лицамъ“ нужны прежнія финансовыя комбинаціи, и они поспѣшили убрать критика финансовыхъ распоряжковъ, покойнаго Герценштейна.

„Заинтересованнымъ лицамъ“ нужны также тѣ самые законы, которые ими же установлены, и они поспѣшили убрать критиковъ депутатовъ.

V.

Подробности преслѣдованія депутатовъ.

Особенно тяжелая участь выпала на долю избранниковъ народа въ первую Государственную Думу отъ вятской губерніи. Газета „Кам. Кр.“, откуда мы заимствуемъ сообщенія, не даетъ подробныхъ свѣдѣній о разгромѣ вятскихъ депутатовъ, но одинъ уже перечень голыхъ фактовъ не мало говоритъ за себя. Seriously могъ пострадать представитель слободского уѣзда И. О. Кузнецовъ. По случаю пріѣзда депутата въ с. Коса собрался многочисленный митингъ. Населеніе хотѣло услышать докладъ депутата о дѣятельности Думы, но этому не суждено было случиться: отрядъ стражниковъ атаковалъ собравшихся и разогналъ митингъ. Стражники выступали съ явнымъ намѣреніемъ раздѣлаться съ депутатомъ Кузнецовымъ, но вмѣсто него по роковой случайности убитъ былъ сосѣдъ И. О. Кузнецова. Преслѣдуемому удалось скрыться. Крестьянскій депутатъ отъ вятской губерніи П. А. Садыринъ, о которомъ мы уже упоминали, по сообщенію „телеграфнаго агентства“ огъ 13 сентября изъ Малмыжа, по распоряженію губернатора подвергается двухмѣсячному тюремному заключенію за устройство собесѣдованія съ крестьянами. Депутатъ глазовскаго уѣзда, народный учитель П. Ф. Бѣлоусовъ, до сихъ поръ не рѣшается явиться домой, такъ какъ его тамъ уже давно ожидаетъ полиція. Бѣднягъ приходится скитаться по уѣзду, прятаться отъ стражниковъ и жандармеріи и украдкой видѣться съ родителями. Елабужскій депутатъ, инспекторъ народныхъ училищъ, В. С. Нечаевъ, переведенъ въ другую губернію, главнымъ образомъ, конечно, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы изолировать вреднаго чело-вѣка отъ населенія, которое его избирало. По тѣмъ же соображеніямъ, повидимому, и крестьянскій депутатъ С. Я. Тумбусовъ высланъ изъ предѣловъ вятской губерніи. По-страдалъ и еще одинъ представитель вятской губерніи, протоіерей Огневъ, лишенный права священнослуженія.

Представитель малоархангельскаго уѣзда М. Е. Кукановъ арестованъ въ родномъ селѣ Куракинѣ. По прибытіи домой, Кукановъ никакихъ митинговъ не устраивалъ и ничего преступнаго не позволялъ и, тѣмъ не менѣе, со дня его прибытія въ домъ отца, полиція все слѣдила за нимъ и уже нѣсколько разъ собиралась его арестовать, но ему удалось скрываться, пока, наконецъ, застигнутый врасплохъ, онъ не былъ арестованъ мѣстнымъ приставомъ. Въ тотъ же день г. Кукановъ былъ заключенъ въ мѣстную, а затѣмъ, 23 августа, подъ усиленнымъ конвоемъ отправленъ въ орловскую тюрьму, откуда, по слухамъ, будетъ сосланъ административнымъ порядкомъ „въ мѣста не столь отдаленныя“.

Крестьянское населеніе возмущено отношеніемъ властей къ народному избраннику и, какъ говоритъ мѣстная газета, „не случись ночью, когда всѣ крестьяне спали, *безъ боя* не выдали бы своего депутата“.

Не повезло крестьянскимъ депутатамъ и въ другихъ губерніяхъ. Крестьянину Бычкову, депутату отъ мензелинскаго уѣзда, воспрещены всякія собесѣдованія о Госуд. Думѣ, а мѣстнымъ крестьянамъ воспрещено даже посѣщать его. Крестьяне положительно въ недоумѣніи.

— Онъ нашъ выборный,—говорятъ они,—а ему даже не позволяютъ говорить съ нами. На кой же лядъ въ такомъ случаѣ, его и въ Питеръ посылали?

Уфимскій губернаторъ г. Ключаревъ, запрещая Бычкову бесѣдовать о Думѣ, такимъ же запретомъ наложилъ печать молчанія и на уста помѣщика уфимской губерніи, депутата Ш. Сыртланова, грозя послѣднему за всякія разговоры о Думѣ воздѣйствіемъ „по всей строгости законовъ“. Бывшаго виднаго земскаго дѣятеля, принадлежащаго къ „высшему слою уфимскаго большого свѣта“, губернаторъ принялъ весьма не деликатно и „не только не подаль ему руки, но даже не попросилъ его присѣсть“.

Пострадалъ и крестьянскій представитель брянскаго уѣзда Н. С. Бибиловъ. 12 августа за организцію митинга въ родной своей деревнѣ Осиповкѣ онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ тюрьму.

„Трогательна, сообщаетъ корресп. „Орл. Вѣстн.“, была сцена прощанія Бибилова съ семьей своей, а толпѣ, провожавшей его, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „я

былъ выбранъ вами и честно стоялъ за ваши интересы, и теперь иду только за васъ же; помните одно и добивайтесь земли и воли“. Крестьяне были такъ оскорблены и раздражены арестомъ своего депутата, что е боялись отправить съ ближайшей ст. Клѣтня, а увели подъ конвоемъ на слѣдующую станцію Бѣлоглавую, верстъ за 30“.

Арестовали Н. С. Бибикова по доносу мѣстнаго волостнаго старшины Язинова. Когда арестованнаго провозили черезъ с. Лубны, подъ конвоемъ мѣстнаго пристава и десяти стражниковъ, крестьяне хотѣли было ударить въ набатъ, чтобы собрать народъ и отбить народнаго избранника, но когда стражники, по приказанію пристава, приготовились дать залпъ, толпа разсѣялась.

Въ какой мѣрѣ полиція усердствуетъ, преслѣдуя бывшихъ депутатовъ, показываетъ случай съ депутатомъ отъ болгарскаго уѣзда Ѳ. А. Сефферомъ. Пострадавшій подалъ бессарабскому губернатору заявленіе, въ которомъ и рассказываетъ подробности обыска, произведеннаго полиціей, и ареста. Содержаніе заявленія Ѳ. А. Сеффера передается со словъ „Бесс. Ж“:

„Въ квартиру зашли: приставъ г. Болграда, два его помощника и жандармскій унтеръ-офицеръ Скрыпниковъ. Передъ производствомъ обыска помощникъ пристава Корчевскій обратился къ г. Сефферу съ нѣсколькими вопросами и, между прочимъ, спросилъ его: писалъ ли онъ, Сефферъ, въ самомъ началѣ открытія Государственной Думы что нибудь противъ полиціи? Когда г. Сефферъ отвѣтилъ утвердительно, Корчевскій сказалъ: „Да, вы очень нехорошо писали“. При производствѣ обыска у г. Сеффера конфисковали серію печатныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы, брошюры, свободно продаваемыя во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, наказы, полученные г. Сефферомъ отъ крестьянъ, когда онъ еще былъ членомъ Думы. Г. Корчевскій заинтересовался заглянуть и въ кухню; тутъ на плитѣ найденъ былъ запакованный тючекъ съ кадетской литературой, еще въ январѣ текущаго года высланной губернскимъ комитетомъ партіи к.-д. Г. Сефферъ категорически заявилъ, что не знаетъ адресата этого тючка, и, во всякомъ случаѣ, это литература легальная. По окончаніи обыска тотъ же Корчевскій опять приступилъ къ Сефферу съ вопросами—

знаетъ ли онъ въ Болградѣ еще лицъ, недовольныхъ существованіемъ строемъ?" Причиной ареста г. Сеффера были донесенія кубейскаго пристава Керлера и пристава 1-го стана Зака.—Въ заключеніе своего заявленія, г. Сефферъ проситъ начальника губерніи разслѣдовать, на основаніи какихъ данныхъ пристава сдѣлали свои доносы, и, вообще, поставить на видъ болгарской полиціи, чтобы она другой разъ такъ безсознательно не беспокоила мирныхъ людей, потому что, заявляетъ г. Сефферъ, „тащить троихъ (т. е., Корчевскаго, Зака и Керлера) на своей спинѣ вверхъ по ихъ служебной лѣстницѣ я не могу, да и не желаю“.

Сообщеніе это представляется намъ интереснымъ, главнымъ образомъ, по характеру допроса. Мелкому представителю полиціи хотѣлось знать, что писалъ (?) въ Думѣ депутатъ о полиціи. Безсмысленность этого вопроса не лишена смысла, если можно такъ выразиться. Цѣлые годы и даже десятилѣтія безконтрольно и безапелляціонно со стороны населенія управляя „подчиненными“, мѣстные маленькіе сатрапы призадумались, когда народъ проводилъ своихъ избранниковъ въ столицу. Всѣ эти притѣснители различныхъ ранговъ знали, что народные представители уже безъ опасенія вскроютъ всѣ стороны народной жизни, не умолчатъ, конечно, и о дѣятельности полиціи. Вѣдь если бы приставъ Корчевскій не чувствовалъ за собою права „управы на бывшихъ депутатовъ“, развѣ онъ осмѣлился бы задавать г. Сефферу такіе вопросы.

Въ періоды расправы съ бывшими депутатами полиція нашла возможнымъ и примѣненіе средневѣковаго способа воздѣйствія на преслѣдуемыхъ мѣрой *заложенничества*. Жертвой отголосковъ средневѣковья сдѣлался, по сообщенію „Рѣчи“, братъ бывшаго депутата отъ глуховскаго уѣзда И. В. Тарасенко, которому пришлось жить на нелегальномъ положеніи, лишь бы избѣжать ареста. Но не въ мѣру ретивая полиція рѣшила во что бы то ни стало найти скрывавшагося депутата и арестовать. По крайнѣй мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ былъ отданъ приказъ жандармскаго полковника Рудова, когда сей грозный представитель власти прибылъ на родину И. В. Тарасенко въ мѣст. Воронежъ. Здѣсь наблюдалось то же самое, что и въ другихъ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ арестовывались депутаты: населеніе негодовало на по-

лицію и грудью готово было защищать своего избранника. Не найдя И. В. Тарасенко, полиція арестовала его младшаго брата и заявила престарѣлымъ родителямъ „заложника“, что послѣдній будетъ содержаться въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отысканъ преслѣдуемый депутатъ. Газета добавляетъ, что послѣ ареста младшаго брата депутата хозяйство родныхъ И. В. Тарасенко упало, и имъ грозитъ раззореніе. 27 сентября, по сообщенію „Пет. Агентства“, И. В. Тарасенко арестованъ и препровожденъ въ тюрьму въ Кролевецъ.

Подробности ареста въ г. Уральскѣ бывшаго депутата В. В. Недоноскова, по сообщенію мѣстной газеты, таковы. За недѣлю до ареста, 20 августа, въ залѣ театра предполагалось устроить собраніе при участіи депутата. Собравшіеся хотѣли услышать непосредственно изъ устъ своего избранника докладъ о дѣятельности думы и о причинахъ, повлекшихъ роспускъ участниковъ перваго російскаго парламента. Собранія этого мѣстныхъ власти не разрѣшили. Въ тотъ же вечеръ въ Пушкинскомъ залѣ было назначено собраніе мельничныхъ рабочихъ для обсужденія вопроса о профессиональномъ союзѣ, куда стала стекаться и публика изъ зданія театра, гдѣ не было разрѣшено собраніе съ участіемъ В. В. Недоноскова. Дальнѣйшія подробности таковы:

„Въ многочисленной толпѣ стали раздаваться возгласы, что-де нужно послать за своимъ депутатомъ и выслушать его. Быстро былъ выбранъ представитель импровизированнаго собранія и отправился за Недоносковымъ, который скоро прибылъ. Между тѣмъ, публика быстро прибывала, и было очевидно, что залъ пушкинскаго дома не можетъ вмѣстить всѣхъ собравшихся. Было рѣшено перенести собраніе въ театръ Макарова. Однако, и театръ Макарова не могъ вмѣстить всѣхъ собравшихся, и много народа оставалось на улицѣ. Несмотря на предупрежденіе полиціи, что собраніе не разрѣшено и поэтому незаконно, собраніе было открыто. Около театра появился взводъ казаковъ. Въ театрѣ раздался крикъ: казаки! произошло было нѣкоторое смятеніе, но скоро публика была успокоена и прерванный докладъ продолжался.

„Въ это время къ театру прибылъ наказный атаманъ, начавшій разъяснять публикѣ, что это собраніе незаконно

и что разрѣшенія на него не было дано. Проникнуть внутрь зданія наказному атаману не удалось, и докладъ былъ законченъ. По окончаніи доклада, публика, поднявъ на руки бывшаго члена государственной думы, съ пѣніемъ и криками „ура!“ двинулась тысячною толпою по Большой-Михайловской ул., по направленію къ Михайловскому собору. Казаки повернули въ другую сторону и скрылись. Полиціи также уже не было видно. Передъ Казанской церковью шествіе остановилось. Здѣсь была пропѣта „вѣчная память“ погибшимъ борцамъ за свободу и „вы жертвою пали“. Появились два красныхъ флага. Съ пѣніемъ „марсельезы“, высоко поднявъ на рукахъ своего депутата,—толпа дошла до Старо-Михайловскаго собора и здѣсь былъ импровизированъ митингъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей, послѣ чего шествіе повернуло обратно и съ пѣніемъ и криками „ура“ донесло до квартиры своего депутата. Настроеніе публики было очень приподнятое. Долго еще собравшіеся не расходились, долго еще раздавались пѣсни „свободы“ и только, дойдя до арки Цесаревича, публика мирно и тихо разошлась по домамъ“ *).

Поведеніе гражданъ и В. В. Недоноскова, повидимому, не понравилось наказному атаману, и онъ рѣшилъ отмстить ослушникамъ и привелъ свой планъ въ исполненіе 27 августа. На этотъ день митингъ былъ назначенъ на площади. По желанію собравшихся, на площадь былъ приглашенъ и бывший депутатъ. Появившійся въ толпѣ В. В. Недоносковъ сообщилъ, что митингъ назначенъ на 29 число, почему онъ и просилъ собравшихся разойтись. Но не успѣли собравшіеся послѣдовать предложенію своего избранника, какъ вдругъ откуда-то въ толпу врѣзались казаки.

„Часть толпы, окружавшая Недоноскова, принуждена была вмѣстѣ съ нимъ скрыться въ чайную о-ва трезвости, но это ихъ не спасло... Покончивъ съ разгромомъ толпы на площади, полиція бросилась къ чайной и начался „выводъ“ оттуда и правыхъ и „виновныхъ“. Съ довольно высокой и крутой лѣстницы полицейскіе сильными ударами провожали по одному внизъ, здѣсь ихъ подхватывали и награждали новыми. Недоносковъ былъ сильно помятъ еще въ залѣ чай-

*) „Ур. Дн.“.

ной, легко раненъ, затѣмъ сильно избить на лѣстницѣ и получилъ нѣсколько ударовъ уже на улицѣ, на глазахъ администраціи. Онъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ въ тюрьму, гдѣ фельдшеръ тюрьмы подалъ ему первую медицинскую помощь“ **).

Звѣрская расправа полиціи и казаковъ съ народнымъ представителемъ и съ гражданами отозвалась въ средѣ выборщиковъ по г. Уральску вполнѣ понятнымъ протестомъ, и значительная группа изъ среды ихъ обратилась къ военному губернатору Уральской области съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„27 августа по вашему распоряженію заключенъ въ тюрьму бывший членъ Думы В. В. Недоносковъ, за участіе въ народномъ митингѣ, на которомъ народъ требовалъ отъ него доклада о работахъ Думы. Ни для кого не тайна, что г. Недоносковъ хотѣлъ идти законными путями для общенія съ избравшимъ его населеніемъ, и въ этомъ отношеніи имъ было сдѣлано все для того, чтобы избѣжать какихъ-либо столкновеній съ властью. Его участіе въ митингѣ было вызвано прямымъ настояніемъ населенія, пренебрегать требованіями котораго, онъ, какъ избранникъ народа, не имѣлъ никакихъ нравственныхъ оправданій. Его голосъ, призывавшій населеніе 27 августа разойтись съ митинга, можетъ подтвердить тысяча голосовъ, слѣдовательно, не могло быть рѣчи о томъ, что онъ призывалъ собраніе къ какому-либо безпорядку, нарушающему общественные интересы, а потому печальное событіе 27 августа нельзя отнести къ его винѣ. Народная совѣсть не можетъ примириться съ лишеніемъ своего избранника свободы; она не находитъ къ тому оправданій, которыя соотвѣтствовали бы народнымъ понятіямъ о справедливости. Мы, какъ выразители мнѣнія общества и почтенные его довѣріемъ, прислушиваясь къ голосу народа, принимаемъ на себя смѣлость обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой освободить г. Недоноскова отъ незаслуженнаго лишенія его свободы, дабы этимъ примирить народную совѣсть и тѣмъ возвратить мирное теченіе жизни“.

Но законнымъ образомъ протестующіе выборщики г. Уральска ошиблись въ расчетахъ. вмѣсто того, чтобы по-

считаться съ этимъ протестомъ, власти порѣшили выслать В. В. Недоноскова за предѣлы Уральской области и вскорѣ привели это рѣшеніе въ исполненіе.

Не разрѣшая митинга при участіи бывшихъ членовъ Государственной Думы для широкой публики, власти не давали возможность депутатамъ устраивать бесѣды о думѣ и въ болѣе тѣсныхъ кружкахъ и группахъ. Депутату отъ г. Костромы Н. А. Огородникову не разрѣшили сдѣлать доклада о Думѣ въ помѣщеніи мѣстнаго комитета партіи „народной свободы“. Къ другому бывшему члену государственной думы отъ г. Костромы, З. Г. Френкелю, обратились съ просьбой сдѣлать докладъ о дѣятельности Думы члены правленія союза торговыхъ служащихъ, но и въ этомъ случаѣ полиція не допустила собесѣдованія.

Послѣ этого отказа мѣстныя костромскія власти, повидимому, сообразили, что бывший депутатъ З. Г. Френкель весьма опасный человѣкъ, и на него стали строиться козни. Изъ телеграммы отъ 1 сентября изъ г. Умани мы узнаемъ, что, З. Г. врученъ обвинительный актъ. Обвиненіе было предъявлено по знаменитой 129 статьѣ уголовного уложенія и г. Френкель попалъ на скамью подсудимыхъ только за то, что, будучи въ гостяхъ у своихъ выборщиковъ, онъ далъ кому то для прочтенія брошюру Платонова: „Какъ начала работать Государственная Дума?“ При этомъ выясняется слѣдующая подробность: инкриминируемая брошюра была изъята изъ обращенія спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ бывший депутатъ совершилъ свое страшное преступленіе. Это обстоятельство не измѣнило точки зрѣнія суда, и З. Г. Френкелю пришлось томиться въ тюрьмѣ до разбирательства дѣла. 7 августа тюремный врачъ констатировалъ, что З. Г. Френкель заболѣлъ плевритомъ на туберкулезной почвѣ, и возбудилъ ходатайство о переводѣ его въ земскую больницу. 16 августа тюремный и земскій врачи, совмѣстно съ прокуроромъ, посѣтили больного заключеннаго депутата и признали тюремное заключеніе гибельнымъ для него. Наконецъ, 1 сентября больного лѣчили нѣсколько врачей вслѣдствіе начавшагося кровохарканья, о чемъ и былъ составленъ надлежащій актъ.

Изложивъ исторію болѣзни бывшаго депутата, уманское общество врачей направило свое ходатайство къ председа-

телю совѣта министровъ П. А. Столыпину, прося освободить З. Г. Френкеля подъ залогъ, въ виду крайней опасности для его здоровья заключенія въ тюрьмѣ. Но, не смотря на то, что просьба эта ранѣе подтвердилась ходатайствомъ прокурорскаго надзора и судебной палаты, отъ П. А. Столыпина не послѣдовало никакого отвѣта.

Дальнѣйшая судьба больного депутата такова:

12 сентября выѣздная сессія кievской судебной палаты приступила къ слушанію дѣла З. Г. Френкеля.

Подробности судебного разбирательства приводимъ здѣсь въ томъ видѣ, какъ онѣ были изложены въ газетѣ „Волянъ“:

„Зданіе суда и прилегающія улицы охранялись усиленными патрулями городскихъ и конныхъ стражниковъ, постовые городовые были вооружены винтовками... Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ; въ залъ суда не допускались даже родители обвиняемаго. Противъ публики были приняты всѣ „мѣры“; даже на ближайшихъ улицахъ позволяли только ходить, но не стоять... А въ залѣ суда „при закрытыхъ дверяхъ“ шла тяжелая, ожесточенная борьба.

Защитникъ З. Г. Френкеля, г. Ратнеръ, заявилъ:

— Френкель, какъ депутатъ, неподсуденъ судебной палатѣ...

Однако, судебная палата отклонила отводъ, мотивируя тѣмъ, что Френкель совершалъ „политическія преступленія“ не какъ депутатъ, а какъ частное лицо...

— Вслѣдствіе отсутствія цѣлаго ряда свидѣтелей, — заявилъ г. Ратнеръ, — ходатайствую дѣло слушаніемъ отложить и измѣнить мѣру пресѣченія освобожденіемъ Френкеля подъ залогъ...

Долго совѣщались судьи... Результатомъ совѣщанія было удовлетвореніе ходатайства г. Ратнера, но... залогъ ими назначенъ въ 10 тысячъ рублей.

Трудно было достать такую крупную сумму: З. Г. Френкель — врачъ, честный труженикъ, жилъ своимъ личнымъ трудомъ, и о тысячахъ никогда не мечталъ. Деньги не были доставлены въ тотъ же день, и подсудимаго изъ залы суда снова отвели въ тюрьму. Только на другой день, къ тремъ часамъ пополудни, требуемая залоговая сумма была внесена въ казначейство, и несчастный узникъ былъ освобожденъ

изъ тюрьмы. Трогательна была встрѣча обывателями своего любимца-депутата. Вся часть Николаевской улицы, ведущей изъ тюрьмы до квартиры Френкеля, была запружена народомъ“.

За распространіе легальной литературы былъ привлеченъ къ отвѣтственности и депутатъ отъ казанской губерніи М. Н. Герасимовъ; когда онъ, по возвращеніи изъ Петербурга, былъ съ триумфомъ встрѣченъ полиціей, при немъ оказалась кое какая литература, закупленная въ магазинахъ, въ томъ числѣ и стенографическіе отчеты засѣданій думы. Все это было отобрано. Затѣмъ, въ волостномъ правленіи задержана посланная имъ на имя своего односельчанина посылка. Тамъ тоже литература была легальная. Это и послужило основаніемъ привлеченія его къ отвѣтственности, яко бы за распространіе литературы, направленной къ низверженію существующаго строя *).

Оставленъ на большомъ подозрѣніи представитель орловской губерніи Д. И. Зайцевъ, у котораго при обыскѣ въ его домѣ, въ с. Молодовомъ, были найдены слѣдующія брошюры: „Какъ начала работать государственная дума?“, „Какъ живутъ духовные христіане?“ и программа подъ заглавіемъ „Выборщики“.

Обладая такимъ, „преступнымъ“ богажемъ, Д. И. Зайцевъ, повидимому, никакъ не ожидалъ обыска, и думалъ, что депутатская неприкосновенность еще способна защитить отъ вторженія позднихъ гостей и его самого и его жилище. Когда ночью къ его дому явилась полиція и постучалась, онъ просилъ не беспокоить его въ поздній часъ и зайти днемъ. Послѣ часового препирательства съ полиціей дверь въ жилище бывшаго депутата была разбита и въ его багажѣ найдены были инкриминируемыя брошюры. Какъ потомъ оказалось, обыскъ въ домѣ Д. И. Зайцева былъ произведенъ только потому, что бывший депутатъ сказалъ въ церкви рѣчь, обратившись къ молящимся съ сообщеніемъ о Думѣ и о злобахъ дня. Кромѣ того, мѣстныя власти дознались, что къ Д. И. Зайцеву иногда заходятъ какіе-то „неизвѣстные“.

Къ арестованному бывшему члену Государственной Думы (отъ курской губ.) Г. Н. Шапошникову (онъ былъ помощн.

*) „Нар. Газ.“.

секретаря Государственной Думы) „предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ созвалъ сходъ крестьянъ въ селѣ Велико-Михайловкѣ, новооскольскаго уѣзда, и говорилъ имъ о ходѣ дѣятельности въ Государственной Думѣ, читалъ имъ выборгское воззваніе и убѣждалъ не платить никакихъ повинностей и не давать рекрутъ на томъ основаніи, что правительство безъ Государственной Думы не можетъ издавать никакихъ законовъ и постановленій, ни составлять государственной смѣты, поэтому требованіе правительствомъ повинностей, какихъ бы то ни было, незаконно. Г. Шапошниковъ обвиняется также въ подстрекательствѣ крестьянъ грабить помѣщиковъ и жечь ихъ имѣнія“.

Формулированныя въ обвинительномъ актѣ преступныя дѣянія при разбирательствѣ дѣла подтверждали только 2 свидѣтеля, а остальные 21 свидѣтель совершенно отрицали взводимыя на Г. Н. Шапошникова обвиненія. Кромѣ того, свидѣтели заявили слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, г. Абрамовичу, что все то, что имъ говорилъ депутатъ относительно Государственной Думы, они раньше и сами узнали изъ газетъ. Но, не смотря на такую шаткость обвиненія, Г. Н. Шапошниковъ все же привлекается къ суду по 2 и 3 пунктамъ 129 статьи.

Въ дѣло Г. Н. Шапошникова вмѣшался и мѣстный губернаторъ Борзенко, который на другой же день ареста предъявилъ въ губернскую земскую управу, гдѣ г. Шапошниковъ служилъ завѣдывающимъ страховымъ отдѣломъ, требованіе объ увольненіи бывшаго депутата со службы на основаніи 20 ст. положенія объ усиленной охранѣ.

Изъ телеграфнаго сообщенія отъ 18 сентября мы узнали, что Г. Н. Шапошниковъ подалъ въ окружной судъ прошеніе объ отпадчѣ подъ судъ прокурора и начальника тюрьмы за произведенную надъ нимъ пытку, выразившуюся въ произвольномъ лишеніи свиданій съ женою. Въ той же телеграммѣ сообщается также и о томъ, что заключенный народный избранникъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ.

Обстоятельства, заставившія Г. Н. Шапошникова обратиться въ окружной судъ съ жалобой на тюремщика, таковы:

„Начальнику тюрьмы съ перваго дня ареста Г. Н. Шапошникова доставляло, повидимому, особенное удовольствіе причинять безправному и безсильному теперь депутату раз-

ные моральные уколы, почти граничащіе съ издѣвательствомъ. Такъ, когда на другой день послѣ ареста жена Г. Н. Шапошникова принесла ему въ тюрьму теплое платье, то начальникъ тюрьмы, узнавъ объ этомъ, не велѣлъ сторожамъ брать его для передачи.

— Можно будетъ передать и въ другой разъ, при свиданіи, успеете еще принести,—говорилъ онъ.

Когда же было получено разрѣшеніе на свиданіе, то этому тюремщику, повидимому, доставляло удовольствіе заставлятъ г-жу Шапошникову каждый разъ ожидать долгіе часы у тюремныхъ воротъ подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ; тюрьма находится въ полѣ, вокругъ по близости нѣтъ никакого навѣса и укрыться поэтому совершенно негдѣ. Свиданья начинаются въ 12 часовъ дня. Въ это время г-жа Шапошникова обыкновенно уже появляется у воротъ тюрьмы и докладываетъ о своемъ приходѣ начальнику, и только обычно около 2-хъ часовъ впускается въ тюремный дворъ. И это такъ всегда, во всѣ дни свиданій. Неудивительно, что г-жа Шапошникова сильно заболѣла, простудился и ея маленькій мальчикъ, котораго она приноситъ съ собою повидать отца. Мало всего этого. Тюремщикъ нашель возможнымъ совсѣмъ прекратить свиданія, вопреки ясному предписанію судебного слѣдователя“.

Любопытенъ въ своемъ родѣ и случай съ бывшимъ депутатомъ отъ змѣвскаго уѣзда Ѳ. И. Иваницкимъ. Будучи мѣстнымъ землевладѣльцемъ, г. Иваницкій былъ приглашенъ предсѣдателемъ змѣвской земской управы на засѣданіе въ комиссію змѣвскаго экономическаго совѣта по вопросу о переоцѣнкѣ земель змѣвскаго уѣзда. Въ засѣданіи этомъ участвовало до 40 крестьянъ, и когда послѣдніе, во время перерыва засѣданія, обратились къ бывшему депутату съ просьбой побесѣдовать съ ними о Государственной Думѣ, Ѳ. И. Иваницкій удовлетворилъ ихъ любознательности, но внезапно появившійся въ управѣ чиновникъ полиціи, перодѣтый въ штатское, констатировалъ наличность незаконнаго сборища.

23 августа въ имѣніе Ѳ. И. Иваницкаго явился мѣстный становой приставъ и предъявилъ владѣльцу усадьбы постановленіе харьковскаго губернатора г.-м. Пѣшкова слѣдующаго содержанія:

„Постановленіе № 12041. 1906 г., августа 12 дня, я, харьковскій губернаторъ, разсмотрѣвъ дѣло о дворянинѣ Ѳеодорѣ Егоровичѣ Иваницкомъ и принимая во вниманіе, что онъ, вопреки категорическому запрещенію, устроилъ незаконное собраніе, на которомъ читалъ брошюры и сочиненія, могущія вызвать среди крестьянскаго населенія волненія, а также имѣя въ виду, что Иваницкій неоднократно и ранѣе замѣчался въ агитаціонной дѣятельности среди мѣстнаго населенія, и признавая, что оставленіе его на жительствѣ въ Харьковской губерніи являлось бы крайне вреднымъ въ интересахъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, постановилъ: воспретить названному Иваницкому на основаніи ст. 16-й положенія объ усиленной охранѣ и п. 16-го ст. 19-й правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи, жительство въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Копію сего постановленія для приведенія онаго въ исполненіе препроводить зміевскому уѣздному исправнику и сообщить таковую же копію для свѣдѣнія начальнику харьковскаго губернскаго жандармскаго управленія. Подлинное за подлежащими подписями, и т. д.“.

Высылка Ѳ. И. Иваницкаго изъ предѣловъ харьковской губерніи разсматривалась въ комитетѣ харьковской группы партіи „народной свободы“, которая составила протестъ по поводу произвола надъ г. Иваницкимъ, (см. № 14 „Вѣстника партіи народной свободы. К.-Д.“). Въ этомъ протестѣ, между прочимъ, говорится: „въ постановленіи губернатора о высылкѣ Иваницкаго сдѣлана ссылка на 16 ст. военного положенія, между тѣмъ, зміевскій уѣздъ, слава Богу, не находится на военномъ положеніи. Харьковскій же губернаторъ облеченъ властью генераль-губернатора въ предѣлахъ г. Харькова и харьковскаго уѣзда, которые и объявлены на военномъ положеніи. Очевидно, это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда власть генераль-губернатора смѣшивается съ властью губернатора“.

Къ этой характеристикѣ поведенія г.-м. Пѣшкова ничего прибавить нельзя: это уже кульминаціонный пунктъ произвола.

Гоненію со стороны властей подвергся и одинъ изъ семьи польскаго кола, бывший депутатъ отъ радомской губерніи

І. В. Островскій. І. В. Островскій послѣ роспуска Госуд. Думы проживалъ въ своемъ имѣніи въ опочечкомъ уѣздѣ. Въ сосѣдней волости былъ убитъ гминный писарь и, сколько мѣстныхъ власти ни старались, виновникъ не былъ обнаруженъ, а г. Островскому, благодаря этому обстоятельству, пришлось испытать много непріятнаго. Въ волость, гдѣ былъ убитъ писарь, командировали карательный отрядъ, состоящій изъ полу-эскадрона драгунъ подъ командою офицера.

Командиръ отряда явился въ имѣніе г. Островскаго ночью, разбудилъ хозяина и потребовалъ выдачи преступника. Изумленный и перепуганный депутатъ заявилъ, что никакого преступника онъ не знаетъ. Командиръ отряда приказалъ г. Островскому встать къ стѣнѣ и заявилъ ему, что онъ будетъ разстрѣлянъ. Г. Островскій сталъ умолять офицера, чтобы тотъ далъ ему возможность помолиться, и бросился къ иконѣ. Далѣе въ газетѣ „Рѣчь“, откуда мы заимствовали сообщеніе, говорится: „Офицеръ одумался и отказался отъ своего намѣренія, но такъ избилъ съ солдатами г. Островскаго, что его пришлось свезти въ больницу“.

Члены *польскаго кола*, возмущенные расправой съ г. Островскимъ, командировали въ Петербургъ графа В. І. Тышкевича. Графъ побывалъ у товарища министра Крыжановскаго, который обѣщалъ послать телеграмму генералу Скалону и разслѣдовать дѣло.

VI.

Гоненіе на депутатовъ отъ рабочихъ.

Изъ парламентской фракціи соціально-демократической рабочей партіи гоненію со стороны полиціи подверглись три члена; по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія только о трехъ случаяхъ.

13 сентября, по сообщенію столичныхъ газетъ, департаментъ полиціи отдалъ начальнику харьковскаго охраннаго отдѣленія слѣдующее распоряженіе:

„Арестуйте по требованію екатеринославскаго прокурора бывшаго члена Государственной Думы Митрофана Михайли-

ченко, проживающаго, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ городѣ Харьковѣ. За директора Харламовъ“.

Вся вина М. И. Михайличенко (депутатъ отъ екатеринославской губ.) заключается въ слѣдующемъ. Бахмутскій уѣздный исправникъ разрѣшилъ бывшему депутату устроить митингъ на Щербаковскомъ рудникѣ. Митингъ назначенъ былъ на 5 августа.

„На митингъ стекались рабочіе со всѣхъ концовъ—, сообщаетъ корреспондентъ „Рѣчи“.—Съ близъ лежащихъ рудниковъ и заводовъ рабочіе приходили пѣшкомъ; изъ болѣе отдаленныхъ пріѣзжали на поѣздахъ, специально для этой цѣли захваченныхъ. Такъ, рабочіе колоніи Нью-Йоркъ въ числѣ около 300, захватили товарный поѣздъ и съ пѣснями и краснымъ флагомъ пріѣхали на митингъ. Отъ станціи до Щербаковскаго рудника версты три. Съѣхавшіеся почти одновременно рабочіе съ пѣснями прошли на рудникъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ г. Михайличенко, попросившій прекратить пѣніе, дабы не было поводовъ къ разгону митинга“.

Не смотря, однако, на такія мѣры со стороны М. И. Михайличенко, за часъ до открытія митинга, уѣздный исправникъ сообщилъ, что митингъ онъ допустить не можетъ. М. И. Михайличенко, видя настроеніе 7-ми тысячной толпы, сталъ просить исправника не измѣнять первоначальнаго рѣшенія, потому что это можетъ вызвать осложненіе. Митингъ былъ открытъ и продолжался съ 7 час. до 11 вечера.

Въ силу какихъ же обстоятельствъ екатеринославскому прокурору понадобился арестъ бывшаго депутата? Очевидно, высшее начальство не можетъ простить вины даже и въ тѣхъ случаяхъ, если провинившіеся совершили свое преступленіе съ разрѣшенія низшаго начальства.

Представитель отъ рабочихъ г. Казани П. Е. Ершовъ, возвратившись на заводъ, заявилъ своему начальнику о своемъ желаніи побесѣдовать съ рабочими и отдать имъ отчетъ о дѣятельности Государственной Думы. Начальникъ завода обратился за разрѣшеніемъ къ губернатору, но тотъ не только не разрѣшилъ митинга, но еще даже выразилъ свое удивленіе, что начальникъ завода держитъ въ числѣ рабочихъ такого опаснаго человѣка. Газета „В. Сл.“ добавляетъ, что если бы пороховой заводъ, гдѣ работаетъ П. Е. Ершовъ, не былъ въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, бывшій

депутатъ былъ бы уволенъ властью губернатора. Начальникъ же завода придерживается въ этомъ отношеніи иного мнѣнія и П. Е. Ершова не увольняетъ. Не дѣлаютъ этого можетъ быть и потому, что рабочіе грозятъ забастовкой, если только ихъ избранникъ будетъ удаленъ.

Печально кончилось столкновеніе рабочихъ съ полиціей и войсками при попыткѣ арестовать представителя отъ рабочихъ, бывшаго члена Государственной Думы Матвѣева.

Въ с. Гуріенкѣ, порецинскаго уѣзда, имѣется суконная фабрика Анчутина. Въ серединѣ лѣта депутатъ отъ рабочихъ Матвѣевъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, какъ обвиняемый въ революціонной пропагандѣ. Въ видѣ мѣры пресѣченія судебныя власти постановили или арестовать Матвѣева, или же взять съ него залогъ въ размѣрѣ 500 руб. Такихъ денегъ у пролетарскаго депутата, разумѣется, не нашлось, и власти сдѣлали постановленіе о его арестѣ. Товарищи бывшаго депутата, живущіе трудомъ, не сумѣли найти денегъ, но зато они сумѣли постоять за своего избранника. Когда въ с. Гуріенку на фабрику явилась полиція, чтобы арестовать Матвѣева, рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, встали на защиту. Въ помощь полиціи были вызваны войска. При столкновеніи рабочихъ съ ротой пѣхоты есть раненые съ той и съ другой стороны. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ болѣе подробныхъ сообщеній объ этомъ столкновеніи.

Не имѣется также въ нашемъ распоряженіи никакихъ свѣдѣній и о томъ, за что высланъ съ Кавказа въ тобольскую губернію на три года видный представитель с.-д. парламентской фракціи, бывший депутатъ Рамишвили.

По сообщенію „Рѣчи“, изъ предѣловъ казанской губерніи высланъ въ трехдневный срокъ бывший членъ Госуд. Думы отъ рабочихъ ижевскихъ заводовъ Н. И. Бирюковъ, о которомъ мы уже говорили въ III главѣ настоящей работы.

VII.

Дворянскіе депутаты и отрѣшеніе отъ должностей.

Депутаты, не подвергшіеся ни высылкѣ, ни аресту, терпѣваютъ гоненія въ иномъ смыслѣ: администрація увольняетъ провинившихся „крамольныхъ“ народныхъ представителей отъ занимаемыхъ ими должностей, а дворяне выносятъ соотвѣтственныя постановленія и исключаютъ „недостойныхъ“ изъ своей среды.

Первымъ кампанію дворянскихъ гоненій начало курское дворянство, постановившее на чрезвычайномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, большинствомъ 98 голосовъ противъ 3, исключить изъ состава дворянъ губерніи бывшихъ членовъ Государственной Думы, подписавшихъ выборское воззваніе: кн. П. Долгорукова, фонъ-Рутцена, Якушкина и Широкова.

Какъ видите, для такого патріотическаго акта было созвано даже спеціальное чрезвычайное собраніе: курскіе дворяне, повидимому, сильно опасались имѣть въ своей средѣ крамольниковъ.

Едва успѣла распространиться вѣсть о доблестномъ поведеніи курскихъ дворянъ, какъ у нихъ уже нашлись и подражатели.

Ярославскій дворянинъ отставной ген.-м. П. В. Соколовъ на экстренномъ дворянскомъ собраніи подалъ заявленіе, въ которомъ возбудилъ такой вопросъ: „Имѣются ли въ числѣ ярославскихъ дворянъ такіе, которые подписали выборское воззваніе?“ Если таковые имѣются, постановилъ ярославскій дворянинъ, то ярославское дворянство должно послѣдовать „доблестному примѣру“ курскихъ дворянъ и немедленно исключить изъ семьи дворянъ крамольниковъ и измѣнниковъ.

За ярославскимъ дворянствомъ послѣдовало и кишиневское, постановившее исключить изъ сословія бывшихъ членовъ Госуд. Думы Л. Е. Сицынскаго и В. В. Яновскаго.

Періодъ дворянскихъ гоненій совпалъ какъ разъ съ толками въ высшихъ и судебныхъ сферахъ о томъ, что бывшіе депутаты, подписавшіеся подъ Выборгскимъ воззваніемъ, должны быть привлечены къ судебной отвѣтственности. Слухи же эти конкретизировались послѣ того, какъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ губернаторамъ, начальникамъ областей и градоначальникамъ слѣдующій циркуляръ:

„Прокуроръ с.-петербургской судебной палаты сообщилъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ копіи, состоявшееся 22 августа сего года постановленіе судебного слѣдователя с.-петербургскаго окружного суда по важнѣйшимъ дѣламъ о привлеченіи къ слѣдствію по дѣлу о составленіи въ городѣ Выборгѣ, получившаго распространеніе воззванія, озаглавленнаго: „Народу отъ народныхъ представителей“, въ качествѣ обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 51 и п. 3, ч. I ст. 129 угол. улож. 180 бывшихъ членовъ государственной думы, переименованныхъ въ списокъ, при семъ прилагаемомъ“.

Такимъ образомъ, мѣры дворянскихъ воздѣйствій по отношенію бывшихъ депутатовъ начались только уже послѣ воздѣйствія со стороны министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. И дворяне, выполняя провиденціальное назначеніе „служить“ и „прислуживаться“,—сдѣлали только то, что сдѣлали бы ихъ отцы и дѣды.

Одновременно съ исключеніемъ дворянъ изъ сословія началось и отрѣшеніе подсудныхъ депутатовъ отъ должностей, преимущественно съ земской службы. Эта мѣра преслѣдованій проводилась согласно съ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Гласные тверскаго губернскаго земства И. И. Петрункевичъ, М. И. Петрункевичъ и А. С. Медвѣдевъ лишены права участія въ засѣданіяхъ губернскаго земства.

По поводу /исключенія изъ гласныхъ А. С. Медвѣдева тверское земство вступило съ губернской властью въ пререканія. На вторичное предложеніе уволить А. С. Медвѣдева, управа отвѣтила категорическимъ отказомъ на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, потому, что подобное распоряженіе должно быть обращено губернаторомъ непосредственно къ увольняемому члену, и во-вторыхъ, судебной властью обви-

ненія по 129 статьѣ Медвѣдеву до настоящаго времени не предъявлено, и даже ничего неизвѣстно о возбужденіи слѣдствія, вслѣдствіе чего ограниченіе правъ Медвѣдева распоряженіемъ административной власти является незаконнымъ“.

Фактъ этотъ слѣдуетъ отмѣтить еще и потому, что протестъ тверской земской управы едва-ли не единственный во всей Россіи въ связи съ исключеніемъ изъ земствъ бывшихъ депутатовъ.

Лишены того же права гласные: черниговской губерніи Т. В. Локоть, П. И. Куриленко и А. А. Мухановъ; смоленской—М. Д. Лебедевъ, М. А. Квасковъ и А. Н. Поповъ; кромѣ того, М. А. Квасковъ удаленъ и изъ состава смоленской городской думы. Лишены званія и устранены отъ исполненія обязанностей членъ уфимской губернской земской управы графъ П. П. Толстой и члены сольвычегодской земской управы П. Д. Щипинъ и Лобановъ. Уволенъ съ земской службы и Я. А. Гужовскій, занимавшій до послѣдняго времени должность страхового агента при черниговскомъ губернскомъ земствѣ. Отъ должности отстранены еще слѣдующія лица: по распоряженію воронежскаго губернатора П. Я. Ростовцевъ и А. Г. Хрущовъ изъ состава губернскаго и землянскаго уѣзднаго земствъ, а г. Ростовцевъ также и отъ должности ростовскаго городского головы. Исключенъ изъ состава гласныхъ таврической губ. князь Вл. А. Оболенскій, онъ же и редакторъ „Жизни Крыма“. На луганскомъ избирательномъ земскомъ сѣздѣ предводитель дворянства воспретилъ участвовать бывшему депутату В. Н. Родакову. Г. Родаковъ запротестовалъ было противъ такой мѣры, но, какъ оказалось, предводитель дворянства предварительно списался съ прокуроромъ и отъ него получилъ соотвѣтствующія инструкціи.

По 30 сентября насчитывалось всего 22 случая исключенія бывшихъ депутатовъ изъ земства или изъ думы, но каждый день поступаютъ все новыя и новыя сообщенія.

Въ иныхъ случаяхъ „крамольные“ депутаты вселяли даже комическій ужасъ въ робкія души людей, состоящихъ на государственной или общественной службѣ.

Вскорѣ послѣ роспуска Государственной Думы одинъ изъ бывшихъ ея страстотерпцевъ, депутатъ, врачъ по профессіи („Пет. Газ.“ не называетъ его фамиліи), обратился въ

одну изъ петербургскихъ городскихъ больницъ съ просьбой допустить его къ занятіямъ въ больницѣ въ качествѣ сверхштатнаго ординатора. На это предложеніе депутата старшій врачъ больницы отвѣтилъ, что принципиально онъ ничего не имѣетъ противъ допущенія его на работы, но не можетъ разрѣшить этого вопроса раньше, нежели будетъ выясненъ вопросъ—будутъ ли привлечены къ отвѣтственности по 129 ст. депутаты, подписавшіеся подъ выборгскимъ воззваніемъ, и только 25 іюля старшій врачъ больницы извѣстилъ бывшаго депутата, что ходатайство его будетъ удовлетворено. Интересна судьба депутата-врача теперь, послѣ того, какъ уже сдѣлано распоряженія о привлеченіи къ суду 180 депутатовъ?

По поводу исключенія депутатовъ Курской губ. изъ дворянскаго сословія нѣкто *Аръ* напечаталъ въ „Рѣчи“ интересныя разъясненія. Прежде всего авторъ статьи дѣлаетъ весьма существенный выводъ. Постановленіе курскихъ дворянъ объ исключеніи 4 депутатовъ многія газеты, а особенно рептильныя, рассматриваютъ какъ признакъ „ослабленія оппозиціоннаго настроенія страны“. Такой выводъ г. Аръ считаетъ ни на чемъ не основаннымъ, такъ какъ настроеніе курскихъ дворянъ нельзя считать выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Кромѣ того, постановленіе курскихъ дворянъ не выдерживаетъ критики и по формальнымъ соображеніямъ. Согласно ст. 159 IX т. чрезвычайныя дворянскія собранія „занимаются только тѣми дѣлами, для коихъ они созваны“, а согласно ст. 166 того же тома обвиненный дворянинъ обязательно долженъ присутствовать на томъ собраніи, гдѣ разбирается его поведеніе.

„Между тѣмъ,—продолжаетъ далѣе г. Аръ,—въ перечнѣ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію чрезвычайнаго дворянскаго собранія 9-го сентября, вопроса объ исключеніи кого бы то ни было изъ состава собранія помѣщено не было и ни одинъ изъ „обвиняемыхъ дворянъ“ на собраніи не только не присутствовалъ, но и, по всей вѣроятности, не зналъ объ обвиненіяхъ, внезапно къ нему предъявленныхъ“.

„Столь явное нарушеніе закона,—продолжаетъ далѣе г. Аръ,—было допущено не безъ цѣли: 9 сентября въ Курскъ съѣхалась небольшая кучка дворянъ (человѣкъ 97 или 98): если бы требованія закона были соблюдены, то составъ соб-

ранія былъ бы иной, и постановленіе его могло быть иное. Согласно п. м. ст. 15 мнѣнія госуд. сов., предварительное разсмотрѣніе и приготовленіе къ докладу дворянскому собранію предположенія объ исключеніи дворянъ изъ дворянскаго собранія губерніи возложено на обязанность собранія предводителей и депутатовъ, причемъ для разсмотрѣнія сего рода дѣлъ требуется непремѣнное участіе всѣхъ предводителей губерніи или лицъ, ихъ замѣняющихъ (п. 3 ст. 16 вышеприведеннаго мнѣнія госуд. сов.). Послѣднее условіе въ засѣданіи собранія предводителей и депутатовъ 8-го и 9-го сентября также исполнено не было“.

Курское дворянское меньшинство, во главѣ со своимъ предводителемъ графомъ Дорреромъ, очевидно, хотѣло передъ кѣмъ-то выслужиться и кому то лишній разъ указать на свой патріотизмъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и отрѣшеніе бывшихъ депутатовъ отъ должностей по земскому и городскому самоуправленіямъ дѣлается только на основаніи предписанія министерства внутреннихъ дѣлъ, и мѣра эта, несомнѣнно, идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ земскихъ людей и горожанъ.

Что это такъ, на это указываетъ случай съ представителемъ костромской губ. П. А. Сафоновымъ.

Макарьевскій корреспондентъ „Рѣчи“ пишетъ, что состоявшееся 15—19 сентября уѣздное земское собраніе прошло съ рѣдкимъ одушевленіемъ и только благодаря тому, что на этомъ собраніи присутствовалъ бывший депутатъ П. А. Сафоновъ. Выслушавъ докладъ г. Сафонова о дѣятельности Госуд. Думы, собраніе вынесло слѣдующую резолюцію:

„Выслушавъ сообщеніе депутата П. А. Сафонова о дѣятельности государственной думы, макар. земское собраніе признаетъ, что государственная дума за все время своего существованія была истинной выразительницей дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ, и что первые народные представители, идя мирнымъ конституціоннымъ путемъ и отстаивая требованія земли и воли, исполняли лишь свой прямой долгъ передъ пославшимъ его населеніемъ. Принимая же во вниманіе упорное противодѣйствіе правительства и нежеланіе его идти по пути реформъ, согласно выразившейся волѣ народа, земское собраніе полагаетъ, что лишь немедленный созывъ полномочной думы съ отвѣтственнымъ министер-

ствомъ и полнымъ бюджетнымъ правомъ въ состояніи вывести Россію на путь мира, свободы и благосостоянія“.

Эта резолюція ни однимъ словомъ не можетъ поддержать надеждъ министерства, предписавшаго изгнать изъ земствъ „крамольныхъ“ депутатовъ, и министерство жестоко ошибается, думая, что его репрессіи въ унисонъ съ настроеніемъ всей Россіи. Не смотря на имѣющееся въ портфель земства предписаніе „отрѣшить крамольниковъ“, макарьевское земское собраніе стало склонять бывшаго депутата принять званіе губернскаго гласнаго. П. А. Софоновъ отклонилъ это предложеніе въ виду того, что и въ прошломъ году онъ отказался отъ этой чести, не считая настоящее земство истиннымъ народнымъ самоуправленіемъ. И на собраніи 15—19 сентября, подтвердивъ рѣзкое осужденіе земства, хватающееся за свою работу, какъ за единственное средство остановить революцію, г. Сафоновъ добавилъ:

„Если вы хотите спасти культурныя приобрѣтенія земства, уходите скорѣй съ своихъ постовъ. Намъ не платятъ повинностей не потому, что можно по обстоятельствамъ времени не платить, а потому, что народъ самъ хочетъ распоряжаться своими деньгами и дать имъ, по своему понимаемое, производительное назначеніе. Покажите народу, что вы были искренни въ своей прежней дѣятельности и не силитесь оставаться ради эгоистическихъ цѣлей. Теперь не мѣсто сословному земству, а земству демократическому“.

Такое отношеніе П. А. Софопова къ земству могло бы обидѣть присутствовавшихъ на собраніи земскихъ дѣятелей и, если бы настроеніе ихъ совпадало съ духомъ министерскаго предписанія, имъ всего лучше было бы избавиться отъ безпокойнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, П. А. Софоновъ былъ единогласно избранъ въ губернскіе гласные. При этомъ, собраніе вынесло слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что теперешнее земство, какъ учрежденіе узко-сословное, какъ организація дворянско-земледѣльческая, не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни тѣмъ болѣе интересамъ населенія, и что дальнѣйшее его существованіе грозило бы разрушеніемъ всѣхъ культурныхъ мѣропріятій, Макарьевское земское собраніе полагаетъ, что для прочнаго установленія хозяйственной жизни страны необ-

ходимъ скорѣйшій призывъ всего населенія и къ участию въ разрѣшеніи вопросовъ мѣстныхъ польвъ и нуждъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права“.

Такимъ образомъ, бывшій депутатъ, изгоняемый министерствомъ изъ земскихъ сферъ, овладѣлъ симпатіями собранія и изъ зала Таврическаго дворца перенесъ въ залу за-сѣданій макарьевскаго уѣзднаго земства идею о демократизаціи общественнаго самоуправленія.

Тотъ же корреспондентъ рассказываетъ объ отношеніи къ П. А. Софонову со стороны макарьевскаго мѣщанскаго общества. Общество это обратилось къ бывшему депутату съ просьбой сообщить ему о дѣятельности Государ. Думы. Исправникъ не разрѣшилъ устроить собранія, но и макарьевскіе обыватели не остались въ долгу: исправника исключили изъ членовъ мѣстнаго клуба, а стражникамъ, содѣйствовавшимъ уѣзднымъ властямъ, перестали давать квартиры и отказались продавать припасы.

Но еще мѣсяца за два до министерскаго распоряженія нѣкоторые изъ бывшихъ депутатовъ лишились мѣстъ, благодаря воздѣйствію со стороны ближайшаго начальства и по непосредственному почину послѣдняго.

Бывшій депутатъ отъ пензенской губ. М. С. Киселевъ занималъ мѣсто начальника перенской почтово-телеграфной конторы, а послѣ роспуска Думы лишился мѣста. Г. Киселевъ служилъ въ перенской почтово-телеграфной конторѣ болѣе 20 лѣтъ и теперь остался безъ всякихъ средствъ *). Проживающій въ Грозномъ бывш. деп. г. Масловъ отрѣшенъ отъ должности преподавателя грозненскаго пушкинскаго училища и лишенъ правъ заниматься преподаваніемъ въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ **). Бывшему депутату отъ курской губ. М. К. Гудилину, состоявшему до выборовъ въ Думу учителемъ въ сл. Головчинѣ, училищнымъ совѣтомъ отказано въ учительскомъ мѣстѣ. Но тутъ за своего учителя и представителя заступилось населеніе. Узнавъ объ отрѣшеніи отъ должности г. Гудилина, головчатскіе крестьяне приговоромъ постановили прекра-

*) „Ниж. Лист.“

**) „Касп.“

тить выдачу денегъ на содержаніе школы, впредь до возвращенія Гудилину занимаемаго имъ мѣста *).

Въ періодъ выборовъ членъ Госуд. Думы отъ кievской губ. Г. Л. Зубченко (к.-д.) состоялъ волостнымъ старшиною ковалевской волости, васильковского уѣзда. Во время пребыванія Г. Л. Зубченко въ Госуд. Думѣ, его мѣсто занималъ кандидатъ, по возвращеніи же волостного старшины послѣ роспуска Думы, Г. Л. Зубченко съѣздомъ мировыхъ посредниковъ объявлено, что по распоряженію кievскаго губернатора онъ увольняется отъ должности волостного старшины по подозрѣнію въ политической неблагонадежности. Но въ чемъ заключается эта неблагонадежность такъ до сихъ поръ и неизвѣстно **).

*) „В. Р. Б.“

**) „Отг. Жизни“.

Депутаты духовнаго вѣдомства.

Въ числѣ членовъ перваго російскаго парламента, какъ извѣстно, было шесть представителей православной церкви. По аграрному вопросу, а въ особенности по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни и исключительныхъ законовъ, изъ всѣхъ представителей православнаго духовенства выдѣлялись своими рѣчами свящ. Клавдій Афанасьевъ (отъ обл. войска Донскаго), свящ. Николай Огневъ (вятской губ.) и свящ. Алексѣй Поярковъ (зоронеж. губ.). Эти рѣчи отличались необычайной искренностью, и сознаніемъ политическаго долга, съ которыми выступали ораторы въ защиту интересовъ пославшаго ихъ населенія. Духовные ораторы пользовались большой симпатіей въ средѣ прогрессивно настроенныхъ парламентскихъ партій и группъ.

За свою искренность бывшіе депутаты духовнаго вѣдомства поплатились карой со стороны ихъ непосредственнаго начальства, которое, конечно, также согласовало свое поведеніе съ министерскими видами.

О судьбѣ св. Пояркова мы ничего не знаемъ. Свящ. Огневъ лишенъ святѣйшимъ синодомъ правъ на священнослуженіе, и, какъ сообщаетъ газ. „Новая Мысль“, въ настоящее время протоіереемъ Огневымъ возбуждено ходатайство объ исключеніи его изъ духовнаго званія, а свящ. Афанасьевъ, за отказъ отправиться по предписанію донской духовной консисторіи въ Кременскій монастырь,—арестованъ.

По возвращеніи прот. Огнева въ Вятку состоялось пасторско-мірянское собраніе, участники котораго пожелали видѣть бывшаго депутата изъ духовной среды, чтобы услы-

шать отъ него сообщеніе о дѣятельности Государственной Думы. Отъ Огневу было послано приглашеніе отъ собранія, но преосвященный Филаретъ на протоколъ собранія положилъ слѣдующую резолюцію:

„На вызовъ протоіерея Огнева согласиться не могу въ виду имѣющихся дѣлъ о немъ въ консисторіи и официальнаго сообщенія о немъ изъ Петербурга о его противуправительственной дѣятельности въ двухъ деревняхъ Петербургской губ.“

Вслѣдствіе вмѣшательства архіерея собраніе отправило къ духовному начальству депутацію, съ просьбой утвердить рѣшеніе собранія о допущеніи отъ Огнева на собраніе съ правомъ рѣшающаго голоса.

Депутаціи преосвященный Филаретъ отвѣтилъ такъ:

— Цѣлуйтесь съ отъ Огневимъ, молитесь на него, а я всетаки не разрѣшу ему участвовать на собраніи. . . *).

Вскорѣ послѣ сообщенія „Донской Жизни“ о томъ, что бывшій депутатъ Госуд. Думы отъ войска Донского свящ. Афанасьевъ лишается сана и ссылается въ монастырь, А. С. Изгоевъ, сотрудникъ „Рѣчи“, напечаталъ статью, посвященную гонимому священнику, въ которой отъ Афанасьева характеризуетъ такими словами: „Лица, посѣщавшія засѣданія Государственной Думы, помнятъ, вѣроятно, выразительное и энергичное лицо задумчиваго священника съ черными, какъ смоль, волосами и бородой. Онъ говорилъ рѣдко, но сильно и смѣло. Онъ никогда не считался съ посторонними соображеніями и высказывалъ всю правду до конца. Ученіе Христа въ его душѣ органически сочеталось съ жаждой свободы и духъ Ламменэ кипѣлъ подъ скромной рясой сельскаго священника изъ казаковъ. „Богъ когда-то заклеилъ,—сказалъ однажды въ думѣ этотъ священникъ,—печатью проклятія перваго братоубійца Каина; скоро разразится гнѣвъ Божій и надъ насильниками правды и свободы“. Когда депутатская комиссія представила думѣ отчетъ о бѣлостокскомъ погромѣ, священникъ Афанасьевъ отозвался на него горячимъ словомъ: „Въ душѣ этихъ правителей умеръ Богъ, въ душѣ ихъ мертвъ Христосъ съ его всеобъемлющей любовью... Или, потерявъ стыдъ и совѣсть, вы хотите уподо-

*) „Вятск. Кр.“.

биться Ироду, который купался въ еврейской крови "... *).

Въ тѣ дни, когда произносились от. Афанасьевымъ такія „богоотступническія“ рѣчи, реакціонная печать затруднялась въ подборѣ словъ, чѣмъ старалась заклеить личность священника, исполнявшаго свой долгъ за совѣсть. Въ то же время натравливались на оратора духовныя и свѣтскія власти, но от. Афанасьевъ въ теченіе 72 дней былъ неприкосновенной личностью и камарилья обрушилась на него съ мстью только послѣ разгона Думы.

Выступая въ защиту от. Афанасьева, г. Изгоевъ приводитъ, между прочимъ, интересную параллель, говоря, что въ монастырѣ от. Афанасьевъ,—быть можетъ, встрѣтится съ другимъ пастыремъ, котораго высшая духовная власть вырвала изъ рукъ суда, приговорившаго его къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ.

„Въ Нижній-Новгородъ,—сообщаетъ г. Изгоевъ,—привезенъ изъ Перми для отправленія въ монастырь бывшій архимандритъ Зосима, настоятель женской общины въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, превратившій ее въ свой гаремъ и уличенный въ изнасилованіи ребенка. Судъ приговорилъ его къ каторгѣ. Но какъ только состоялся приговоръ, черносотенцы, по сообщенію „Ниж. Листка“, руководимые бѣлогорскими монахами, начали своеобразную агитацію. Архимандритъ Зосима объявленъ былъ невинно пострадавшимъ праведникомъ. Къ нему стали стекаться поклонники и поклонницы, искавшіе его благословенія, которое приносило „исцѣленія“. Въ тюрьму Зосимъ приносили дѣтей подѣ благословеніе. Когда Зосиму заковывали въ кандалы, вокругъ него стояли бѣлогорскіе монахи съ горящими свѣчами“.

Такая агитація повліяла на судьбу преступнаго Архимандрита: цѣпи и арестантскій халатъ съ него сняли, и монастырь, пріютившій осужденнаго на каторгу, сталъ посѣщаться полонниками на поклоненіе преподобному от. Зосимѣ.

Ту же аналогію привелъ и одинъ изъ сотрудниковъ „Бир. Вѣд.“, закончившій свою статью такими словами:

„И за изнасилованіе дѣтей, и за пастырскій протестъ противъ насилія (рѣчь о. Афанасьева въ Думѣ по поводу бѣлостокскаго погрома) по рѣшенію синодскихъ отцовъ по-

*) „Рѣчь“ № 148.

лагається одно и то же возмездіе! Благослови же, о. Зосима, своихъ мудрыхъ судей!“.

О судьбѣ от. Афанасьева въ „Дон. Жизни“ имѣется еще такое сообщеніе: „бывшій депутатъ о. Клавдій Афанасьевъ, въ отвѣтъ на опредѣленіе св. синода о запрещеніи его въ священнослуженіи и заключеніи въ монастырь, отправилъ для напечатанія въ одной изъ столичныхъ газетъ открытое письмо св. синоду. Въ письмѣ о. Афанасьевъ въ рѣзкой формѣ характеризуетъ поведеніе синода въ связи съ освободительнымъ движеніемъ, указываетъ на незаконность примѣненія къ нему упомянутой репрессіи, выражаетъ надежду на скорое обновленіе русской церкви, которое бы возвратило искреннимъ служителямъ ея возможность не снимать рясы. Въ заключеніе о. Афанасьевъ заявляетъ, что распоряженію онъ не подчиняется“.

Судьба В. Р. Якубсона.

Бѣлостокскій погромъ 1—3 іюня 1906 г. остановилъ вниманіе Государственной Думы какъ разъ въ самый разгаръ выработки различныхъ законопроектовъ. Первые же телеграфныя сообщенія о бѣлостокской трагедіи всполошили народныхъ представителей, отодвинувши на время всѣ остальные дѣла и выдвинувши на первый планъ дѣйствій выраженіе протеста, такъ какъ никто изъ народныхъ представителей не сомнѣвался, что бѣлостокскій погромъ устроенъ по тому же шаблону, по которому устраивались всѣ прочіе погромы.

2 іюня Государственная Дума избрала особую комиссію изъ трехъ членовъ для изслѣдованія бѣлостокскихъ событій на мѣстѣ. Въ комиссію эту вошли три члена Государственной Думы: М. П. Араканцевъ, Е. Н. Щепкинъ и В. Р. Якубсонъ, которые немедленно и отправились въ Бѣлостокъ.

Черезъ нѣкоторое время Госуд. Дума заслушала доклады командированныхъ членовъ, и эти доклады очевидцевъ лишній разъ подтвердили, въ какой странѣ безправія и беззаконія разыгралась бѣлостокская трагедія, и какое участіе въ этой трагедіи принимали мѣстная администрація и войско.

В. Р. Якубсонъ принималъ въ этой комиссіи довольно большое участіе и въ одной изъ своихъ рѣчей, между прочимъ, проронилъ слѣдующую фразу: „Войска еще въ Манчжуріи привыкли бѣгать и бояться выстрѣловъ“.

Эта крылатая фраза въ устахъ В. Р. Якубсона въ послѣдствіи приняла особое значеніе и явилась причиной вызова г. Якубсона на дуэль. Въ «Нов. Вр.» появилось не мало шумѣвшее и, вѣроятно, извѣстное читателю письмо секун-

дантовъ пор. Смирнскаго, капитана Вогакъ и поручика Лебедева.

Письмо офицеровъ 1-й гренадерской артиллерійской бригады вызвало довольно продолжительную полемику въ журналистикѣ и разговоры; и общество и журналистика раздѣлились на два лагеря.

Оппозиціонная по отношенію правящихъ слоевъ и арміи печать приняла сторону В. Р. Якубсона. Къ этой печати примкнула и та большая часть русскаго общества, которая уже успѣла засвидѣтельствовать то или иное свое отношеніе къ освободительному движенію.

Реакціонная печать, явно черносотенные листки и армія сплотились въ противоположномъ лагерѣ, олицетворяя въ поручикѣ Смирнскомъ и доблесть російской арміи и ту условную мораль, какую выставляютъ военные, посылая вызовъ своему врагу.

Освѣдомленные въ правилахъ о дуэляхъ публицисты, бывшіе военные гг. Кузьминъ-Караваевъ, Купринъ и другіе, указывали на ошибки, допущенныя поруч. Смирнскимъ при вызовѣ на дуэль г. Якубсона. Другая часть оппозиціонной публицистики указываетъ также и на то, что положеніе, занимаемое поруч. Смирнскимъ и его штатскимъ противникомъ, не обусловливаетъ равенства положеній, и если законъ разрѣшаетъ г. Смирнскому, какъ офицеру, не только вызывать, но даже убить врага у барьера, то тотъ же законъ не разрѣшаетъ этого г. Якубсону, и въ томъ случаѣ, если бы дуэль состоялась и В. Р. Якубсонъ убилъ поруч. Смирнскаго, то бывшего депутата стали бы судить, какъ за обыкновенное убійство.

На сцену полемики выступилъ со своимъ письмомъ неизвѣстный авторъ, подписавшійся „Пажемъ выпуска 1906 г.“ Послѣдній предложилъ поруч. Смирнскому перенести свой вызовъ съ г. Якубсона на него.

Въ періодъ разгара дуэльныхъ страстей В. Р. Якубсонъ напечаталъ въ „Воен. Гол.“ письмо, въ которомъ отказывается отъ фразы, обидѣвшей поруч. Смирнскаго, и послѣ этого то же гостепріимное „Нов. Вр.“ предложило на своихъ столбцахъ мѣсто слѣдующему письму:

„На основаніи полученнаго отъ бывшего члена Государственной Думы г-на Якубсона секундантами поручика Смирн-

скаго письма отъ 20 августа, посланнаго г. Якубсономъ послѣ отправленія его же письма въ газету „Военный Голосъ“ и напечатаннаго въ № 187 этой газеты, въ которомъ г. Якубсонъ, признавая требованія секунданта поручика Смирнскаго справедливыми, еще разъ подтверждаетъ свой категорическій отказъ отъ фразы, произнесенной имъ въ засѣданіи Государственной Думы по адресу русской арміи—судъ общества офицеровъ 35-й артиллерійской бригады признаетъ дѣло оконченнымъ. Предсѣдатель суда общества офицеровъ 35-й артиллерійской бригады подполковникъ Миронъ. Члены: капитанъ Сушко, шт.-капитанъ Солодовниковъ, шт.-капитанъ Драшусовъ, поручикъ Михайловъ. Рязань. 5 сентября 1906 г.

Исторія съ вызовомъ на дуэль г. Якубсона достаточно извѣстна читателю, почему мы и считаемъ совершенно лишнимъ останавливаться на ея подробностяхъ. Для нашей цѣли достаточно и приведеннаго матеріала. Но было бы большимъ недостаткомъ, если бы мы не попытались произвести хотя бы самый поверхностный анализъ всего событія.

Вскорѣ послѣ докладовъ о бѣлостокскомъ погромѣ, заслушанныхъ въ Государственной Думѣ, въ кулуарахъ Думы, да и въ обществѣ стали носиться смутные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣроятные слухи. Потомъ эти слухи перешли на столбцы столичной и провинціальной прессы и окончательно замерли только уже послѣ акта роспуска Государственной Думы.

Послѣ доклада о бѣлостокскихъ событіяхъ въ Госуд. Думѣ, сначала робко и не увѣренно, а потомъ все громче и смѣлѣе стали говорить, что изъ среды офицеровъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ выдѣлилась особая группа военныхъ, которая назвала себя „Бѣлой лигой“ и установила ближайшей цѣлью своей дѣятельности насильственный разгонъ Думы и расправу съ народными представителями.

Говорили также, что къ „Бѣлой лигѣ“ примкнули и нѣкоторые пѣхотные полки, во главѣ съ прославившимся по карательной части семеновскимъ полкомъ.

Въ кулуарахъ Госуд. Думы слухи эти принимали нѣсколько особый оттѣнокъ. Каждый изъ публики, посѣщавшей Госуд. Думу, и каждый изъ депутатовъ всѣмъ своимъ

существомъ ощущали близость войскъ къ тѣмъ парламентскимъ заламъ и кулуарамъ, гдѣ совершалась мирная „органическая“ работа.

Каждая сутки, въ 12 час. дня, садъ, расположенный у главнаго входа въ Таврическій дворецъ, переполнялся военными. Во дворъ приходила рота пѣхоты, а изъ караульнаго помѣщенія выходила вторая рота, назначаемая къ уходу въ казармы. Церемонія смѣны карауловъ сопровождалась барабаннымъ боемъ, и звуки барабана, врываясь въ корридоры и залы помѣщенія перваго російскаго парламента, слишкомъ сильно диссонировали со всѣмъ, что совершалось въ помѣщеніяхъ Госуд. Думы.

Въ періодъ циркулированія слуховъ о заговорѣ „Бѣлой лиги“, барабанный бой смущалъ многихъ.

Въ атмосферѣ такихъ впечатлѣній многое въ думѣ казалось внушающимъ если не страхъ, то смущеніе. Страхи эти усилились послѣ извѣстнаго инцидента съ генераломъ Павловымъ. Но, къ счастью, „Бѣлая лига“ не привела въ исполненіе своихъ замысловъ, а, можетъ быть, и не успѣла этого сдѣлать.

Мнѣ неизвѣстно, какъ относился къ этимъ слухамъ В. Р. Якубсонъ. Въ печати имѣется лишь одно краткое сообщеніе о пребываніи бывшаго представителя гродненской губерніи въ г. Слонимѣ.

Послѣ роспуска Госуд. Думы В. Р. Якубсонъ не сразу вернулся въ Слонимъ, и это отсутствіе внушало роднымъ и знакомымъ безвѣстно отсутствовавшаго депутата опасеніе за его жизнь. Опасенія эти имѣли нѣкоторое основаніе. По городу распространились слухи о крайне враждебномъ настроеніи мѣстнаго гарнизона по отношенію къ смѣлому обличителю бѣлостокской трагедіи, въ которой не послѣдняя роль выпала на долю мѣстныхъ войскъ. Передавали, на-примѣръ, какъ достовѣрный фактъ, что въ офицерскомъ собраніи произносились по этому поводу весьма враждебныя противъ В. Р. Якубсона рѣчи, и что въ средѣ офицерства рѣшено вызвать бывшаго депутата на дуэль или, вообще, какъ нибудь раздѣлаться съ нимъ. Появившемуся въ г. Слонимѣ г. Якубсону посовѣтовали оставить городъ, и онъ уѣхалъ за границу *).

*) „Вѣстн. пар. Нар. Своб.“ № 21—22, 1906 г.

Вызовъ на дуэль г. Якубсона поруч. Смирнскимъ показываетъ, что идея отмщенія депутату въ средѣ военныхъ имѣла нѣкоторое право гражданства. Военная корпорация, очевидно, была крайне возбуждена противъ г. Якубсона и въ его лицѣ думала отомстить и другимъ депутатамъ, критиковавшимъ армію.

Англійская депутація и выступленіе черной сотни.

Вскорѣ послѣ роспуска Госуд. Думы, когда уже были разосланы по губерніямъ и областямъ телеграммы и предписанія съ рецептами репрессій по отношенію бывшихъ депутатовъ, департаментъ полиціи, по сообщенію газетъ, „предложилъ всѣмъ агентамъ, находящимся въ Россіи, тщательно слѣдить за бывшими депутатами государственной думы, выѣзжающими за границу, куда именно они направляются и ѣдутъ ли они одни или съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. Точно также заграничнымъ агентамъ предложено слѣдить за бывшими депутатами, находящимися за границей. Мѣры эти находятся въ связи съ желаніемъ департамента точно установить характеръ сношеній бывшихъ депутатовъ съ заграничными обществами“.

Эта мѣра „сыска и слѣженія“ въ своемъ родѣ любопытна: отъ департамента полиціи, очевидно, не укрылась связь депутатовъ перваго російскаго парламента съ заграницей. Черезъ Госуд. Думу Россія перешагнула изъ сферы азіатскаго безправія въ сферу парламентаризма. Съ этого же момента установилась новая связь народовъ, насѣляющихъ Россію, съ тѣми народами, которые уже осуществили до нѣкоторой степени идею народовластія.

Связь эта обнаруживалась съ первыхъ дней думской работы. Западная Европа и Америка съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за работой въ первомъ російскомъ парламентѣ, и настроеніе депутатовъ, работъ которыхъ мѣшала бюрократія, передавалось въ парламентскія страны вмѣстѣ съ сообщеніемъ отчетовъ о засѣданіяхъ по телеграфу.

Какъ разъ въ моментъ роспуска Госуд. Думы нѣкоторые изъ видныхъ членовъ россійскаго парламента были въ Англіи и участвовали на сѣздѣ парламентскихъ дѣятелей, какъ равноправные члены.

Послѣ того, какъ телеграфъ принесъ вѣсть о роспускѣ Госуд. Думы, англичане просили русскихъ гостей не смущаться печальнымъ извѣстіемъ, не лишая ихъ права на продолженіе занятій на сѣздѣ парламентскихъ представителей. Въ народовластномъ сознаніи англичанъ глубоко заложена идея: „избранники народа могутъ быть лишены правополномочій только самимъ народомъ“. Эта идея и была связующимъ звеномъ между представителями западно-европейскаго парламента и депутатами нашей первой Госуд. Думы.

Прошло два мѣсяца послѣ роспуска Думы, и англичане снова вспомнили русскихъ сотоварищей по работѣ во имя величайшаго принципа народовластія. За это время на Британскихъ островахъ успѣлъ соорганизоваться „Комитетъ англо-русской дружбы“, и ему принадлежитъ починъ отправки англійской депутаціи въ Россію для поднесенія адреса бывшему предсѣдателю Госуд. Думы С. А. Муромцеву.

Содержаніе этого любопытнаго документа таково:

„Мы, члены парламента, представители муниципальных и просвѣтительныхъ учрежденій и другіе британскіе граждане желаемъ, въ виду закрытія первой сессіи перваго русскаго парламента, передать ему выраженіе нашихъ симпатій и уваженія. Наша собственная исторія научила насъ той истинѣ, что только представительный образъ правленія и гражданская свобода суть единственныя надежныя основы, на которыхъ могутъ покоиться національный прогрессъ и народное благосостояніе. Полные добрыхъ пожеланій по отношенію къ Россіи, мы слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ и горячими надеждами за созданіемъ Думы и за ея борьбой за власть. Мы научились преклоняться передъ геніемъ русскаго народа. Сердца всѣхъ мужественныхъ людей были тронуты зрѣлищемъ его героизма, его жертвъ и страданій, претерпѣнныхъ имъ въ его долгой и тяжелой борьбѣ за свободу. Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ свобода восторжествуетъ въ Россіи, и тогда, наконецъ, сдѣлается возможнымъ для народовъ Англіи и Россіи оформить ту дружбу,

которая уже соединяетъ ихъ,—дружбу, основанную на общности идеаловъ культуры, опирающейся на миръ“.

Содержаніе этого адреса можно смѣло считать выраженіемъ чувства и мыслей всѣй англійской націи. Подъ нимъ подписалось около 300 членовъ парламента, болѣе 60 епископовъ и духовныхъ лицъ, лорды, профессора, литераторы, художники, редакторы 26 главныхъ органовъ печати, свыше 40 мэровъ различныхъ городовъ и почти всѣ видные вожди крупнѣйшихъ трэдъ-юніоновъ.

Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, имѣя въ виду, что трэдъ-юніоны объединяютъ 1236 профессиональных союзовъ съ 1.922,780 рабочихъ. Такимъ образомъ, представители англійскаго пролетаріата, численностью около 2 милліоновъ, шлютъ свой привѣтъ борцамъ за руссійское народовластіе, а это—громадная неоцѣнимая нравственная поддержка депутатамъ нашего перваго парламента и всему нашему пролетаріату.

Адресъ предсѣдателю Госуд. Думы имѣетъ и еще одно глубокое значеніе.

Старѣйшій англійскій парламентъ, послѣ акта роспуска Думы, выразилъ солидарность не русскому правительству, а представителямъ русскаго народа, и этимъ еще разъ краснорѣчиво подчеркнул разрывъ между правительствомъ и русскимъ народомъ.

Наше правительство почувствовало это и, ради спасенія своего, давно поколебавшагося, престижа и въ отвѣтъ на пріѣздъ англійской депутаціи,—искусственно подтасовало національное недовольство, инспирировало руссійскія черносотенныя организаціи, придавъ ихъ лже-національному протесту значеніе протеста націи. Но наши англійскія друзья поняли бессильную имитацию національныхъ чувствъ со стороны русскаго правительства, вбившаго лишній гвоздь въ крышку своего политическаго гроба.

Въ печати появилось письмо отъ распорядительной коммисіи по устройству пріема англійской депутаціи, въ которомъ приводится письмо гласнаго Лоншемской думы, А. Макъ-Калломъ Скоттъ, слѣдующаго содержанія:

„Газета „Россія“ упоминаетъ въ своей передовой статьѣ отъ 5 сентября (№ 229) объ адресѣ, подносимомъ газетою „Tribune“ г. Муромцеву. Между прочимъ, въ статьѣ этой

говорится, что „Tribune“ сочинила адресъ отъ имени „англійскаго общества“.

„Комитетъ англо-русской дружбы“ просить меня заявить что эти утвержденія „Россіи“ совершенно противорѣчатъ истинѣ. Адресъ составленъ не газетою „Tribune“, а комитетомъ, въ которомъ участвуютъ редакторы лондонскихъ либеральныхъ газетъ и политическіе дѣятели. Засѣданія комитета велись подъ предсѣдательствомъ м-ра Гардинера, редактора старѣйшей либеральной газеты „Daily News“, и м-ра Доннальза, редактора „Daily Chronicle“. Представители газеты „Tribune“ участвовали въ выработкѣ адреса лишь наравнѣ съ другими членами комитета, и было бы несправедливо по отношенію къ комитету приписывать имъ преобладающее вліяніе въ задуманномъ великомъ актѣ международной дружбы“.

Опровергнувъ выходку русскаго офиціоза и перечисливъ группы англичанъ, подписавшіяся подъ адресомъ, г. Скоттъ продолжаетъ: „Исключительный по своей сердечности пріемъ, оказанный въ Англіи адресу, придалъ этому документу значеніе крупнаго международнаго акта,—значеніе дружественнаго посланія англійскаго народа народу русскому въ лицѣ его первыхъ выборныхъ представителей. Убѣдившись въ успѣхѣхъ начатаго дѣла, комитетъ рѣшилъ сдѣлать второй шагъ на пути сближенія народовъ Россіи и Англіи. При его содѣйствіи была организована депутація, которая поѣдетъ въ Россію и 3 (16) октября вручить составленный адресъ Муромцеву, какъ бывшему предсѣдателю перваго представительнаго учрежденія русскаго народа. Въ составъ этой депутаціи войдутъ шесть членовъ парламента, изъ которыхъ упомянемъ Дональда Смитона, бывшаго въ теченіи долгаго времени членомъ государ. совѣта въ Индіи, баронета Джорджа Скотта Робертсона, прославившагося геройской защитой Читраля, и Вильяма Стэдмена, секретаря конгресса тредъ-юніоновъ. Кромѣ членовъ парламента, въ депутаціи будетъ участвовать въ качествѣ делегата отъ всѣхъ либеральныхъ газетъ, примкнувшихъ къ адресу, Henry W. Newinson, извѣстный географъ и членъ редакціи „Daily Chronicle“, G. H. Perrio, авторъ книги „Russia in Revolution“, и литераторы Aylmer Maude, William Hill и A. Mac. Callum Scott“.

Съ такой же отзывчивостью стало готовиться къ встрѣчѣ депутатовъ Англіи и русское прогрессивное общество: распорядительная комиссія была завалена адресами лицъ разныхъ профессій и положеній, которые изъявляли желаніе на участіе въ приѣмѣ депутаціи; почти всѣ высшія учебныя заведенія выбрали депутаціи; на многихъ заводахъ рабочіе устраивали митинги и на нихъ избирали изъ своей среды представителей при приѣмѣ гостей изъ свободной страны; мѣстные и районные комитеты партіи „народной свободы“ тоже готовились къ этой встрѣчѣ... Судя по этимъ приготовленіямъ, можно было думать, что день приѣма англійской депутаціи станетъ у насъ днемъ праздничнымъ.

Но этому празднику не суждено было осуществиться.

Умышленная ложь „Россіи“, о которой упоминаетъ г. Скоттъ, послужила сигналомъ и всѣ черносотенныя изданія „*Нов. Вр.*“, „*Моск. Вѣд.*“, „*Рус. Знамя*“, „*Зорька*“, „*Вѣче*“ и друг.—затянули хоромъ свою національно-полицейскую ноту. Въ то же время и руководители черносотенныхъ организацій,—гг. Дубровины, Булацели, Григмуты, Бор. Никольскіе, Пихны, Юзефовичи etc—то же не дремали и подготавливали свою рать на выступленіе противъ посѣщенія англійской депутаціи.

Одновременно съ черносотенными организаціями и съ продажной прессой противъ англійской депутаціи выступили и официальные представители власти. Въ Москвѣ начались таинственныя совѣщанія градоначальника Рейнбота съ генераль-губернаторомъ Гершельманомъ. По сообщенію московскихъ газетъ, „Генераль Гершельманъ высказалъ, что не можетъ допустить, чтобы англійская депутація явилась съ открытымъ чествованіемъ бывшихъ членовъ распушенной государственной думы, большинство которыхъ подписало выборгское воззваніе и привлекается по 129 ст. уг. ул. На основаніи этого заявленія генераль-губернатора, градоначальникъ объявляетъ, что ни торжественный приѣмъ англійской депутаціи въ Москвѣ, ни какія-либо формы ея чествованія, въ видѣ ли поднесенія адресовъ, устройства банкетовъ, публичныхъ засѣданій и пр. какъ въ общественныхъ такъ и частныхъ зданіяхъ и помѣщеніяхъ допущены не будутъ“.

Вслѣдъ за московскими властями потянулась и холопствующая московская городская дума. Послѣ бурныхъ пре-

ній по поводу приѣма англійской депутаціи, московская дума большинствомъ 60 голосовъ противъ 5 вынесла слѣдующую резолюцію: „Имѣя въ виду, что къ московскому городскому управленію могутъ въ ближайшее время обратиться съ предложеніемъ принять участіе въ приѣмѣ пріѣзжающей въ Россію иностранной депутаціи для поднесенія адреса бывшимъ членамъ государственной думы и признавая, что приѣмъ подобной депутаціи представляется политической демонстраціей, оскорбительной для нашего національнаго чувства,—московская городская дума поручаетъ городскому головѣ, въ случаѣ, если къ нему обратятся съ подобнымъ предложеніемъ, отвѣтить на него отказомъ отъ имени московскаго городского управленія“.

Одновременно съ думой вопросъ о приѣмѣ англійской депутаціи обсуждало и московское дворянство. Въ вынесенной по этому поводу резолюціи говорится, что „Собраніе предводителей и депутатовъ дворянства Московской губ. постановило выразить негодованіе по поводу того, что среди московскаго дворянства находятся люди, принимающіе участіе въ такой политической демонстраціи, которая, по мнѣнію собранія предводителей и депутатовъ, оскорбляетъ чувства всякаго, кому дорога честь дворянства Россіи, и нарушаетъ старыя преданія московскаго дворянства“.

Такого рода quasi-патріотическое выступленіе русскихъ патріотовъ до нѣкоторой степени поколебало единство въ настроеніи англичанъ, изъявившихъ согласіе на участіе въ депутаціи: представители культурной націи устрашились возможнаго противодѣйствія со стороны русскихъ черносотенныхъ бандъ, и вопросъ о посылкѣ депутаціи остался открытымъ.

Перепетіи съ приѣмомъ англійской депутаціи—любопытнѣйшая страница въ исторіи перваго російскаго парламента, завѣщавшаго своему будущему замѣстителю открытый разрывъ съ дѣйствующимъ правительствомъ.

Судьба „выборгскаго“ воззванія.

Въ то время, когда черная сотня готовилась къ выступленію противъ англійскихъ гостей, только что освободившаяся отъ правительственнаго гнета Финляндія гостепріимно встрѣтила на своей территоріи членовъ партіи „народной свободы“, порѣшившихъ ликвидировать свой „анти-конституціонный“ актъ и выработать тактику будущихъ парламентскихъ выступленій. Въ связи съ англійской депутаціей, обстановка, при которой партія „народной свободы“ созвала свой IV-й съѣздъ, всего больше должна бы способствовать „активнымъ“ настроеніямъ участниковъ съѣзда, что наблюдалось въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Выборгѣ, но гельсингфорскія настроенія к.-д. оказались „пассивнѣе“ выборгскихъ. И если к.-д. уѣхали изъ Выборга „провинившимися передъ правительствомъ“, то изъ Гельсингфорса имъ суждено было выѣхать провинившимися передъ народомъ.

Въ Выборгѣ анти-конституціонный поступокъ к.-д. упрочилъ ихъ политическую позицію въ глазахъ народа, въ Гельсингфорсѣ конституціонныя иллюзіи тѣхъ же к.-д., какъ ѣдкія испаренія, парализовали ихъ политическія силы, изолировавъ бывшихъ вѣстниковъ „народной свободы“ отъ активныхъ борцовъ за народную свободу безъ ковычекъ.

Гельсингфоргскія пренія могли расколоть партію „народной свободы“, до того гордившуюся сомкнутостью и стройностью своихъ рядовъ, но предусмотрительные лидеры партіи прибѣгли къ ранѣ испытанному средству и путемъ компромисса спаяли различно настроенные элементы. Переваливъ черезъ острую грань компромисса, к.-д. только успокоили себя, увѣряя своихъ прозелитовъ въ непоколебимости

единства партіи и въ непогрѣшимости тактики, но та же острая грань подрѣзала кадетскія политическія крылья, при помощи которыхъ они совершили свои смѣлыя экскурсіи въ широкія народныя массы въ минувшую избирательную кампанію.

Лица, имѣвшіе возможность наблюдать настроеніе участниковъ послѣдняго к.-д.-скаго съѣзда, свидѣтельствуютъ, что настроеніе, которое привезли съ собою кадеты изъ центра и изъ провинціи, порождало тяжелое впечатлѣніе. „Собравшіеся делегаты чувствовали себя какъ будто не на политическомъ партійномъ съѣздѣ, а на дѣловомъ и скучномъ засѣданіи. Было, какъ выражались тамъ, „обывательское“ настроеніе. Это настроеніе продолжалось почти весь первый день. Но эту вялость разбила первая же рѣчь провинціальнаго делегата. Въ ней, не въ особенно связной формѣ, но страстно и съ горечью вылилось то тяжелое настроеніе, въ которомъ, какъ намъ кажется (!?), находится сейчасъ провинція“ *).

Намъ, свидѣтелямъ жизни, *не кажется* состояніе провинціи тяжелымъ, что могутъ засвидѣтельствовать и участники IV съѣзда изъ провинціи, если они „горячо и со страстью“ передаютъ свои впечатлѣнія.

К.-д. не могли не знать, что въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, начиная съ іюля, выборгское воззваніе проникло въ самые отдаленные уголки Россіи, и громадное большинство населенія активно слѣдовало директивамъ этого акта, „пассивнаго протеста“.

К.-д. знали объ этомъ. Ихъ партійные органы съ большимъ стараніемъ собирали факты изъ жизни и на основаніи ихъ писали горячія статьи, полныя восторговъ по поводу того факта, что выборгское воззваніе понято населеніемъ и претворено имъ въ актъ активнаго сопротивленія. И, нѣтъ сомнѣнія, что въ то самое время, когда на IV съѣздѣ лѣвые к.-д. спорили съ правыми, во многихъ русскихъ деревняхъ казаки, пѣхота и стражники расправлялись съ крестьянами, поведеніе которыхъ не расходилось съ содержаніемъ выборгскаго воззванія.

По свидѣтельству другого участника съѣзда и наблюда-

*) „Товар.“ № 73.

теля гельсингфорскихъ настроеній, одинъ изъ провинціальныхъ делегатовъ какъ разъ обращалъ вниманіе на эту сторону дѣла и заявлялъ, что онъ по совѣсти никакъ не можетъ *отступить* въ то время, когда населеніе слѣдуетъ завѣтамъ выборгскихъ настроеній тѣхъ же самихъ к.-д.

Резолюція, расколовшая участниковъ IV съѣзда на правыхъ и лѣвыхъ, была сформулирована центральнымъ комитетомъ въ слѣдующихъ 6 пунктахъ:

1) Съѣздъ выражаетъ одобреніе дѣятельности парламентской фракціи въ Государственной Думѣ, признавая, что дѣятельность эта соотвѣтствовала общей тактической директивѣ, данной на III-мъ партійномъ съѣздѣ.

2) Признавая политическое значеніе выборгскаго воззванія и выражая принципиальное согласіе съ его содержаніемъ, съѣздъ одобряетъ дѣйствія парламентской фракціи, взявшей на себя починъ въ составленіи воззванія.

3) Съѣздъ считаетъ идею пассивнаго сопротивленія, при условіи его широкаго и организованнаго примѣненія, согласной съ общими принципами тактики партіи народной свободы, и полагаетъ, что широкое распространеніе, обоснованіе и укорененіе этой идеи въ народномъ сознаніи должно составлять одну изъ задачъ партіи, и признаетъ, что пассивное сопротивленіе можетъ быть примѣняемо, какъ наиболѣе дѣйствительная форма противодѣйствія тѣмъ актамъ, которые по существу являются посягательствомъ на права народнаго представительства.

4) Съѣздъ находитъ, что въ настоящій моментъ не имѣется на лицо данныхъ для достаточно широкаго и организованнаго осуществленія пассивнаго сопротивленія, какъ вообще, такъ въ частности и въ формѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности въ призывѣ 1906 г. На этомъ основаніи съѣздъ не считаетъ возможнымъ рекомендовать немедленное примѣненіе пассивнаго сопротивленія.

5) При условіяхъ даннаго момента съѣздъ признаетъ ближайшей задачей дѣятельности партіи — подготовку къ избирательной кампаніи.

6) Избирательной платформой партіи при предстоящей кампаніи съѣздъ считаетъ необходимымъ сдѣлать отвѣтный адресъ Государственной Думы на тронную рѣчь, съ тѣми дополненіями, которыя вытекаютъ изъ программы партіи, и

съ обращеніемъ особаго вниманія на необходимость расширенія законодательныхъ и бюджетныхъ правъ Государственной Думы.

Предметомъ преній въ особенности явился 4 пунктъ, около котораго и витали страсти участниковъ съѣзда. Резолюція эта была принята 84 голосами противъ 44, предложеніе же отвергнуть четвертый пунктъ отклонено 89 голосами противъ 53.

Послѣ этого 5 или 6 делегатами (изъ лѣвой) отъ провинціи подняли вопросъ о подачѣ особаго мнѣнія. „Съ такой резолюціей, заявляли они, намъ нельзя возвращаться домой“, на самое же особое мнѣніе, какъ выразился бывшій членъ Государственной Думы г. Иваничкій, авторы его смотрятъ, какъ на оправдательный документъ.

Принявши резолюцію, участники съѣзда не могли считать намѣченную задачу рѣшенной. Не разрѣшеннымъ еще висѣлъ вопросъ: а какъ быть съ дальнѣйшимъ распространіемъ выборгскаго воззванія?

При рѣшеніи этого вопроса одни говорили: *).

„Партія народной свободы не находитъ возможнымъ, съ *своей стороны*, рекомендовать немедленное примѣненіе пассивнаго сопротивленія. Но она не вправѣ преградить доступъ къ народу воззванія членовъ Государственной Думы, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее распространеніе воззванія несомнѣнно „укрѣпитъ и вкоренитъ въ народномъ сознаніи идею пассивнаго сопротивленія“.

Въ противовѣсъ этому мнѣнію другіе возражали:

„Партія не имѣетъ права *изъять* изъ обращенія этого воззванія, какъ не ею составленнаго, но она вполне законно можетъ, съ *своей стороны*, не распространять его. И не должна распространять, потому что воззваніе призываетъ къ немедленному сопротивленію въ безусловной и категорической формѣ“.

Послѣ того, какъ опредѣлились эти два мнѣнія, прошла ночь, въ теченіе которой участники съѣзда обсуждали вопросъ въ случайныхъ группахъ, а на другой день съѣздъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

«Распространеніе выборгскаго воззванія съѣздъ находитъ

*) Цитируемъ по отчету „Бирж. Вѣд.“ № 9517.

необходимымъ въ цѣляхъ ознакомленія населенія съ идеей пассивнаго сопротивленія, *но не съ цѣлью возбужденія населенія къ немедленному частичному проведенію въ жизнь».*

Такимъ образомъ, большинство участниковъ гельсингфоргскаго съѣзда не одобрили тактики парламентской фракціи, такъ побѣдоносно выступившей въ Выборъ ѣ. Категорическая формулировка выборскаго воззванія превратилась въ условную. Это обстоятельство и вскрыло всю сущность кадетской тактики и приспособленность ядра этой партіи, о которомъ Н. Ленинъ въ своей брошюрѣ „Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи“ сказалъ, что ядро это „составляютъ, несомнѣнно, люди, навѣрное негодные ни на что путное, кромѣ игрушечнаго парламентскаго краснбайства“...*).

Можетъ быть, краски этой характеристики немного и сгущены, но тогда придется подыскать новую характеристику большинства партіи „народной свободы“, которая, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ оказаться для кадетовъ болѣе лестной.

Къ счастью для к.-д., въ средѣ ихъ оказалось меньшинство, состояще изъ 25 лицъ, которыми на съѣздѣ вынесена слѣдующая резолюція, приложенная къ протоколу съѣзда въ видѣ заявленія:

„Отказъ партіи отъ немедленнаго примѣненія пассивнаго сопротивленія, стоящій, по нашему мнѣнію, въ явномъ противорѣчій съ требованіями выборскаго воззванія, съѣздомъ одобреннаго, мы находимъ вреднымъ для освободительнаго движенія и гибельнымъ для партіи и потому, какъ глубоко несогласные съ принятыми съѣздомъ рѣшеніями, просимъ настоящеее наше особое мнѣніе и предложенную нами и съѣздомъ отвергнутую резолюцію приложить къ журналу“.

На гельсингфорскомъ съѣздѣ кадетовъ, въ числѣ участниковъ, было не мало бывшихъ членовъ Государственной Думы, судьба которыхъ для насъ интересна, почему мы и считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ съѣздѣ.

Изъ бывшихъ депутатовъ на гельсингфорскомъ съѣздѣ принимали участіе только члены бывшей Государственной Думы, примыкавшіе къ парламентской фракціи „народной

*) См. Н. Ленинъ. „Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи“. Стр. 15.

свободы". Совсѣмъ не то было въ Выборгѣ въ день іюльскаго выборгскаго сидѣнія. Въ тѣ „историческіе дни“ въ обсужденіи выборгскаго воззванія участвовали «трудовики» и весь наличный составъ парламентской фракціи соціал-демокр. раб. парт. И я помню, съ какимъ настроеніемъ высказывали изъ зала «историческаго» засѣданія представители кавказскаго пролетаріата и нѣкоторые изъ «трудовиковъ». Какъ сейчасъ помню раскраснѣвшееся взволнованное лицо одного изъ представителей кавказскихъ рабочихъ, когда онъ вышелъ въ пріемную, переполненную публикою и журналистами, не допущенными въ зало засѣданія, и воскликнулъ:

— Что они дѣлаютъ!.. Что они дѣлаютъ!.. Развѣ мы можемъ подписаться подъ такимъ воззваніемъ!

Это восклицаніе принадлежало не одному представителю кавказскаго пролетаріата. То же самое говорили и русскіе рабочіе и нѣкоторые изъ «трудовиковъ».

Лѣвая парламентская вліяла на центръ при обсужденіи выборгскаго воззванія, и въ этомъ вліяніи, быть можетъ, и хранится тотъ ключъ, которымъ были вскрыты кадетскіе сердца, хранившіе для чего-то мимолетный революціонизмъ подъ костюмомъ, сотканнымъ изъ «реальной» политики и конституціонныхъ иллюзій.

На гельсингфорскомъ съѣздѣ партіи «народной свободы» крайняя лѣвая перваго російскаго парламента не участвовала своими представителями, будирующій ключъ не былъ пущенъ въ дѣло и кадетскіе сердца — хранилище мимолетнаго революціонизма — не разомкнулись.

Заключеніе.

16 мая текущего года скамьи, занятые народными представителями въ залѣ парламентскихъ засѣданій, впервые опухнуло крыло смерти.

Немного дрогнувшимъ глубокимъ голосомъ С. А. Муромцевъ сообщилъ парламенту о внезапной кончинѣ представителя Симбирской губ. А. П. Адриянова. Дума почтила память покойнаго вставаніемъ и разошлась.

О А. П. Адрияновѣ правильнѣе бы было сказать, что онъ погибъ. Лица, близко знавшіе его и соприкасавшіеся съ нимъ въ періодъ думской работы, говорятъ, что покойный, съ момента появленія въ Петербургѣ, все время нервничалъ, не пропускалъ ни одного засѣданія Думы или комиссій, говорилъ, волновался, не спалъ ночи. Но вотъ, нервы не выдержали утомительнаго напряженія, сердце не вытерпѣло—и онъ скончался на славномъ посту защиты народныхъ интересовъ. Вспоминается и преждевременная смерть М. Я. Герценштейна, погибшаго отъ руки наемнаго убійцы также на славномъ посту защиты народныхъ интересовъ.

Воспоминанія объ этихъ людяхъ какой то печальной мелодіей проносятся надъ бурнымъ океаномъ народаго негодования, отдѣльные голоса котораго впервые принеслись изъ глубины Россіи еще въ первые дни думской работы. Потомъ эти голоса грознымъ кличемъ пронеслись отъ края до края, когда старая власть устами Горемыкина напомнила о завѣтахъ старины,—и притаились въ печальные дни послѣ роспуска Думы. Потомъ это жуткое затишье озарилось факелами возстанія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, захвативъ въ водоворотъ массоваго протеста Ѳ. М. Оникко и

откликнувшись набатнымъ звономъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ народъ вооруженнымъ вставалъ на защиту своихъ представителей.

Въ былое время, въ древней Руси, можетъ быть, тѣ же церковные колокола созывали народъ на защиту отъ врага иноплеменнаго, въ наши дни набатный колоколъ созываетъ народъ въ защиту отъ осwirѣпѣвшихъ представителей власти, которая, какъ насъ хотятъ увѣрить, какъ и всякая власть, только отъ Бога. Но это древнее вѣрованіе умерло вмѣстѣ съ нашими отцами и дѣдами. Теперь въ набатномъ звонѣ слышатся уже иныя голоса проснушагося народа.

Ради *земли* и *воли* собрались въ Думу народные представители, и громкими голосами сказали свою волю,—волю народа.

Первымъ отрядамъ народныхъ представителей не суждено было достигнуть желанной цѣли: камарилья разогнала ихъ, пытаясь на мѣсто воли народной поставить свою волю, скрѣпленную ржавыми обручами воинской дисциплины и жандармской и казацкой расправы.

Внимательно присматриваясь ко всѣмъ фактамъ, о которыхъ мы сообщили, вдумавшись въ непріятныя мелочи гоненій на народныхъ представителей, вы невольно остановитесь на томъ фактѣ, что никто изъ гонимыхъ депутатовъ даже не попытался протестовать, терпѣливо перенося и непріятности внезапныхъ ночныхъ обысковъ, и тяготы одиночныхъ заключеній, и неожиданность высылки безъ суда и слѣдствія.

Но это терпѣніе не признакъ ихъ слабости: народъ самъ защищаетъ своихъ представителей, озаряя заревомъ пожаровъ сумракъ русской жизни и расправляясь съ послѣдними разрозненными рядами своихъ враговъ.

Заключеніе объ участи народныхъ представителей перваго россійскаго парламента мнѣ приходится закончить любопытнымъ сообщеніемъ изъ г. Гродно.

Въ этомъ богоспасаемомъ городѣ 1 октября состоялось торжественное открытіе землеустроительной комиссіи. На торжественномъ засѣданіи присутствовало все губернское

начальство во главѣ съ губернаторомъ г. Зейномъ. Мѣстнаго губернатора окружали помѣщики и старшины. На этомъ же засѣданіи присутствовалъ и бывший членъ Госуд. Думы, представитель отъ крестьянъ гродненской губ., А. В. Куропацкій.

„Какъ могъ попасть этотъ человѣкъ, два мѣсяца просидѣвшій въ Таврическомъ дворцѣ, на этотъ праздникъ реакціи, и какъ онъ могъ себя на этомъ праздникѣ чувствовать?“ спрашиваетъ гродненскій корреспондентъ газ. „Товарищъ“ *). Но, какъ потомъ оказалось, А. В. Куропацкій совсѣмъ не хотѣлъ засѣдать вмѣстѣ съ губернскимъ начальствомъ и попалъ на засѣданіе по приглашенію земскаго начальника, а сей маленькій сатрапикъ исполнялъ волю большого сатрапа. Относительно А. В. Куропацкаго гродненскій корреспондентъ высказываетъ такое предположеніе: „у него, очевидно, не хватило храбрости отказаться отъ этого приглашенія“.

Далѣе тотъ же корреспондентъ дѣлаетъ болѣе детальную характеристику А. В. Куропацкаго, говоря, что Куропацкій—это заурядный крестьянинъ, честный, прямой, робкій и малосвѣдущій. Попалъ онъ въ Государственную Думу въ качествѣ того единственнаго члена, который выбирался только крестьянами и выбранъ ими по жребію. Какъ онъ отнесся къ своему избранію и какъ онъ понялъ значеніе своего высокаго положенія быть представителемъ полуторамилліоннаго крестьянскаго населенія губерніи, видно изъ того, что когда передъ отъѣздомъ въ Петербургъ для участія въ Думѣ онъ вызванъ былъ губернаторомъ для снабженія инструкціями, то онъ поцѣловалъ руку у губернатора“.

Но для чего предводителю дворянства г. Невяровичу понадобилось присутствіе бывшаго депутата на засѣданіи землеустроительной комиссіи? Задаваясь этимъ вопросомъ, авторъ корреспонденціи говоритъ, что отвѣтъ на него можно найти въ послѣднемъ актѣ торжественнаго засѣданія. Произошло слѣдующее:

„По иниціативѣ предсѣдателя комиссіи, предводителя дворянства Невяровича, рѣшено было увѣковѣчить торже-

*) См. „Тов.“ № 78, отъ 4 октября.

ство фотографическимъ снимкомъ всѣхъ участвовавшихъ. Самъ же Невяровичъ распредѣлилъ и мѣста въ этой группѣ. Въ этомъ распредѣленіи онъ проявилъ себя достойнымъ своего служебнаго положенія. Вотъ копія этой фотографіи: за столомъ, установленнымъ на возвышенности, состоящей изъ трехъ ступенекъ, сидитъ губернское начальство съ губернаторомъ посрединѣ, за спиною начальства стоятъ помѣщики и чиновники помельче, передъ столомъ на стульяхъ сидятъ старшины въ медаляхъ, а внизу, у ногъ всей этой блестящей, увѣшанной звѣздами, орденами, знаками отличій и медалями толпы, сидитъ, скрестивши подъ себя ноги и безпомощно опустивши свои мозолистыя руки, бывший членъ Государственной Думы Куропацкій. Болѣе мѣткого и вѣрнаго символическаго изображенія того положенія, въ которое поставила бюрократія бывшую Государственную Думу, трудно и придумать, и г. Невяровичъ едва ли могъ выдумать другое средство, при помощи котораго онъ могъ бы такъ открыто унижить бывшаго народнаго депутата и бывшую народную думу, которую онъ такъ искренно и такъ глубоко ненавидѣлъ“.

Губернскія власти, во главѣ съ предводителемъ дворянства, довольны: они посмѣялись надъ бывшимъ депутатомъ! Они унизили скромнаго и робкаго человѣка, который способенъ цѣловать губернаторскую руку.

Эта губернская феерія достойна ея автора г. Невяровича, какъ представителя передового сословія. Дикость гродненскихъ „губернско-великосвѣтскихъ“ нравовъ, сотканная изъ молчалинства, скудоумія и безсильной злобы, послужили фономъ для несомнѣнно оригинальнаго творчества г. Невяровича. Онъ убѣжденъ, что его выдумка унизила бывшаго депутата, какъ представителя ненавистной г. Невяровичу Думы. Онъ увѣренъ также и въ томъ, что своей выходкой отомстилъ самой Госуд. Думѣ, которая покушалась на его землевладѣльческое благополучіе и хотѣла оторвать его отъ общественнаго пирога, къ которому онъ присосался, какъ достойный надменный потомокъ „извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ...“

Но жанровая картина, нарисованная смѣлой кистью г. Невяровича, въ послѣдствіи, вѣроятно, будетъ передѣлана болѣе смѣлымъ художникомъ, и фигуры, разставленныя по

волѣ г. Невяровича, могутъ быть сгруппированы и иначе.

Роспускъ Думы и всѣ гоненія, придуманные администраціей, что бы отомстить „крамольнымъ“ депутатамъ, наконецъ, и старательно придуманная злая шутка надъ А. В. Куропацкимъ,—всѣ эти дикіе по своей сущности акты закончили одну положительную работу: они окончательно развѣяли конституціонныя иллюзіи въ народѣ.

Жизнь напишетъ иную картину, когда одумавшійся и наученный опытомъ народъ поднимется и выпрямится во весь ростъ. Тогда и г. Невяровичъ, какъ символъ поверженной бюрократіи, будетъ валяться въ ногахъ народа раздавленнымъ.

Закончить работу о гонимыхъ бывшихъ депутатахъ не такъ то легко. Первые листы настоящей брошюры уже печатались, а газеты приносили все новыя и новыя свѣдѣнія.

На дняхъ опубликованъ списокъ депутатовъ привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности за составленіе „выборгскаго“ возванія: всѣ 180 подписавшихся депутатовъ привлекаются къ суду и, такимъ образомъ, лишаются возможности пройти во вторую Думу.

Особенно печальна судьба „трудовиковъ“ и представителей отъ рабочихъ. Почти всѣ „трудовики“ или сидятъ по тюрьмамъ, или высланы изъ своихъ губерній, или скрываются отъ преслѣдованій, или „переживаютъ голодные дни“. Не такъ давно на вокзалѣ финляндской жел. дор. арестованъ „трудовикъ“ И. И. Субботинъ (Твер. губ.). Надъ Т. И. Сѣдельниковымъ все еще тяготѣетъ обвиненіе за неразрѣшенное ношеніе оружія, а г. петербургскій градоначальникъ не даетъ никакого отвѣта на запросъ повѣреннаго Т. И. Сѣдельникова прис. пов. г. Маргуліеса.

Почти всѣ депутаты, подписавшіеся подъ „выборгскимъ“ возваніемъ, изъ бывшихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, изгнаны изъ земскихъ управъ и городскихъ думъ. При разбирательствѣ дѣла Ѳ. М. Оникко на судѣ обнаружилось разногласіе между военнымъ прокуроромъ Ильинымъ и составомъ суда. Г. прокуроръ особенно настойчиво подчеркивалъ все клонящееся къ обвиненію бывшаго депутата, а судъ не раздѣлялъ взгляда прокурора. Наконецъ г. Ильинъ

нашелъ, что приговоръ, вынесенный судомъ надъ Ѳ. М. Онипко „слишкомъ мягокъ“ и подалъ протестъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ арестованъ и защитникъ г. Онипко, шт. кап. Попандопуло, за обвиненіе „нѣкоторыхъ лицъ“ добиться казни бывшаго депутата.

Въ сентябрѣ въ ст. Усть-Медвѣдицкой разбиралось у мирового судьи дѣло по обвиненію полиціи бывш. депутата Ѳ. Д. Крюкова, совмѣстно съ подъесауломъ Мироновымъ и студент. Скачковымъ, въ нарушеніи 20 ст. временныхъ правилъ о собраніяхъ. Мировой оправдалъ обвиняемыхъ. На судѣ имѣла мѣсто такая сценка:

„Обвиняемые, на вопросъ о виновности, отвѣтили, что факта произнесенія рѣчей не отрицаютъ, но виновности своей, при всемъ желаніи не огорчатъ г. обвинителей и вообще полицейской власти, все-таки признать не могутъ, ибо собраніе было законное—станичный сборъ—и рѣчи ихъ по содержанію не выходили изъ предѣловъ законности.

Одностороннее пониманіе г. обвинителемъ термина „политическая рѣчь“ дало поводъ мировому судѣ предложить представителю обвиненія передать содержаніе рѣчи г. Крюкова.

— Да вообще,—началъ приставъ,—г. Крюковъ говорилъ о Думѣ... что въ ней говорилось... и какъ поѣхали въ Выборгъ... и вообще о Думѣ... о поѣздкѣ...

— Вы слышали его рѣчь? — видя не совсѣмъ вразумительную передачу содержанія „политической рѣчи“, —спросилъ судья.

— Нѣтъ.

Въ концѣ-концовъ г. Короченсковъ вынужденъ былъ отказаться отъ обвиненія Крюкова, Миронова и Скачкова въ произнесеніи рѣчей преступнаго („политическаго“) содержанія, прибавивъ многозначительно:

— На это будетъ особый судъ (?) *).

Изъ представителей отъ пролетаріата бывш. деп. П. А. Ершовъ (Казан. губ.) пострадалъ тѣмъ, что былъ исключенъ, по распоряженію губернатора, изъ списковъ по выборамъ во 2-ю Думу. На Кавказѣ преслѣдуютъ обывателей даже и за то, если при обыскахъ находятъ портретъ бывш.

*) См. „Донская Жизнь“.

депутата Рамишвили. Поиски Михайличенко не прекратились.

Изъ бывшихъ депутатовъ, имѣвшихъ прикосновеніе къ журналистикѣ, пострадали: кн. В. А. Оболенскій, редакторъ газеты „Жизнь Крыма“, привлеченъ къ отвѣтственности и приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному заключенію за статью о казненномъ Шмидтѣ; редактору и издателю „Сѣверн. Листка“ И. В. Галецкому вручена отъ мѣстнаго губернатора бумага, въ которой говорится, что г. Галецкій, пока состоящій подъ слѣдствіемъ за подписаніе „выборгскаго“ воззванія, не можетъ быть отвѣтственнымъ редакторомъ; Г. Я. Брукъ, состоявшій редакторомъ „Витебской Жизни“, привлеченъ къ судебной отвѣтственности за выпускъ нумера отъ 16 февраля. Отбрана подписка о невыѣздѣ. Къ И. В. Жилкину предъявили обвиненіе по 5 п. 129 ст. за напечатаніе въ № 478 „Нашей Жизни“ статьи подъ заглавіемъ: „Трудовая группа и войско“.

Гласные московской Думы намѣривались почтить память убитаго М. Я. Герценштейна, но московскіе патріоты, во главѣ съ „Моск. Вѣд.“, подняли вопль и подали въ Думу протесты, а обыватели сущевской части г. Москвы выступили съ *требованіемъ* прекратить вопросъ о чествованіи покойнаго М. Я. Герценштейна

По телеграфному сообщенію отъ 28 сентября у депутата отъ крестьянъ смоленской губ. И. И. Кузнецова сгорѣла рига съ хлѣбомъ. Виновники не обнаружены. При арестѣ И. В. Тарасенко *) (Черниг. губ.) произошло слѣдующее:

„Сторонники его пытались вызвать среди населенія безпорядки, изъ мести за выдачу Тарасенко, стрѣляли въ окна пристава, разбили квартиру городского и подожгли домъ мѣстнаго жителя. Толпа мѣшала тушить и пыталась избить владѣльца дома. Урядникъ, защищалъ его, выстрѣлами убилъ одного изъ нападавшихъ“. **)

Бывшій депутатъ, представитель мусульманъ Уфимской губ., г. Ахтямовъ, подписавшій „выборгское“ воззваніе, исключенъ изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ Казанскаго судебн. округа. „Окружный судъ требованіе губернатора, какъ неправильно направленное, передалъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ судебного округа, который сегодня по-

*) См. гл. III, стр. 33.

**) Телегр. „Петерб. Аг.“ отъ 29 сентября.

становилъ оставить это требованіе, какъ незаконное, безъ послѣдствія“ *).

По постановленію самарскаго уѣзднаго училищнаго совѣта учитель земско-общественной школы, бывш. депутатъ В. Ф. Балясниковъ (Самар. губ.) уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Поводомъ къ увольненію послужило то обстоятельство, что г. Балясниковъ, уѣзжая въ Петербургъ для участія въ Госуд. Думѣ, не испросилъ отпуска и не сообщилъ училищному совѣту о своемъ возвращеніи **). Сообщение это не нуждается въ комментаріяхъ. Пострадалъ еще и бывш. депутатъ изъ учителей. Изъ телеграфнаго сообщенія изъ Кишинева, отъ 17 октября (годовщина россійской конституціи!) узнаемъ, что министръ народнаго просвѣщенія отказалъ въ предоставленіи учительской должности быв. члену Госуд. Думы Ф. А. Сефферъ (Бессар. губ.).

Многіе дворяне тверской, тульской, курской и друг. губерн., гдѣ были исключены изъ дворянскихъ списковъ бывшіе депутаты, заявили протестъ по адресу своихъ черносотенныхъ собратій. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи единоличный протестъ тульского дворянина инж. технол. М. Н. Левицкаго, который пишетъ предводителю дворянства слѣдующее:

Милостивый государь!

Изъ газетъ я узналъ о томъ, что послѣднее чрезвычайное губернское дворянское собраніе лишило земскихъ и дворянскихъ избирательныхъ правъ и исключило изъ списковъ дворянъ тульской губерніи бывшаго предсѣдателя государственной думы С. А. Муромцева за его якобы безчестный поступокъ. Между тѣмъ, корректность, политическій тактъ и идеальная честность С. А. признана всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, почему вышеупомянутый вотумъ дворянскаго собранія я не могу не назвать возмутительнымъ. Послѣ происшедшаго, я считаю для себя *позорнымъ* числиться въ средѣ „дворянъ“ тульской губерніи, почему и прошу васъ исключить меня изъ списковъ ихъ и причастнымъ къ дворянской жизни тульской губерніи впредь не считать. ***).

*) Тел. „Пет. Аг.“ отъ 12 октября.

**) См. газ. „Самар. Кур.“

***) См. газ. „Рѣчь“.

Свою работу мнѣ приходится прерывать на зарѣ новой выборной компаніи передъ второй Думой и я невольно задаюсь вопросомъ: а что же ожидаетъ депутатовъ этой второй Думы?..

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. Роспускъ Госуд. Думы и распоряженія о репрессіяхъ	3
II. Встрѣча бывшихъ депутатовъ въ провинціи	6
III. Народъ защищаетъ своихъ избранниковъ	17
IV. Судьба Ѳ. М. Оникко и М. Герценштейна	22
V. Подробности преслѣдованія депутатовъ	29
VI. Гоненія на депутатовъ отъ рабочихъ	42
VII. Дворянскіе депутаты и отрѣшеніе отъ должностей	45
VIII. Депутаты духовнаго вѣдомства.	53
IX. Судьба В. Р. Якубсона	57
X. Англійская депутація и выступленіе черной сотни	62
XI. Судьба выборгскаго воззванія	68
XII. Заключеніе	74
